

✱
ГРИГ.
ПЕТНИКОВ
МОЛОДОСТЬ
МИРА

A570756

П-298-М.М.

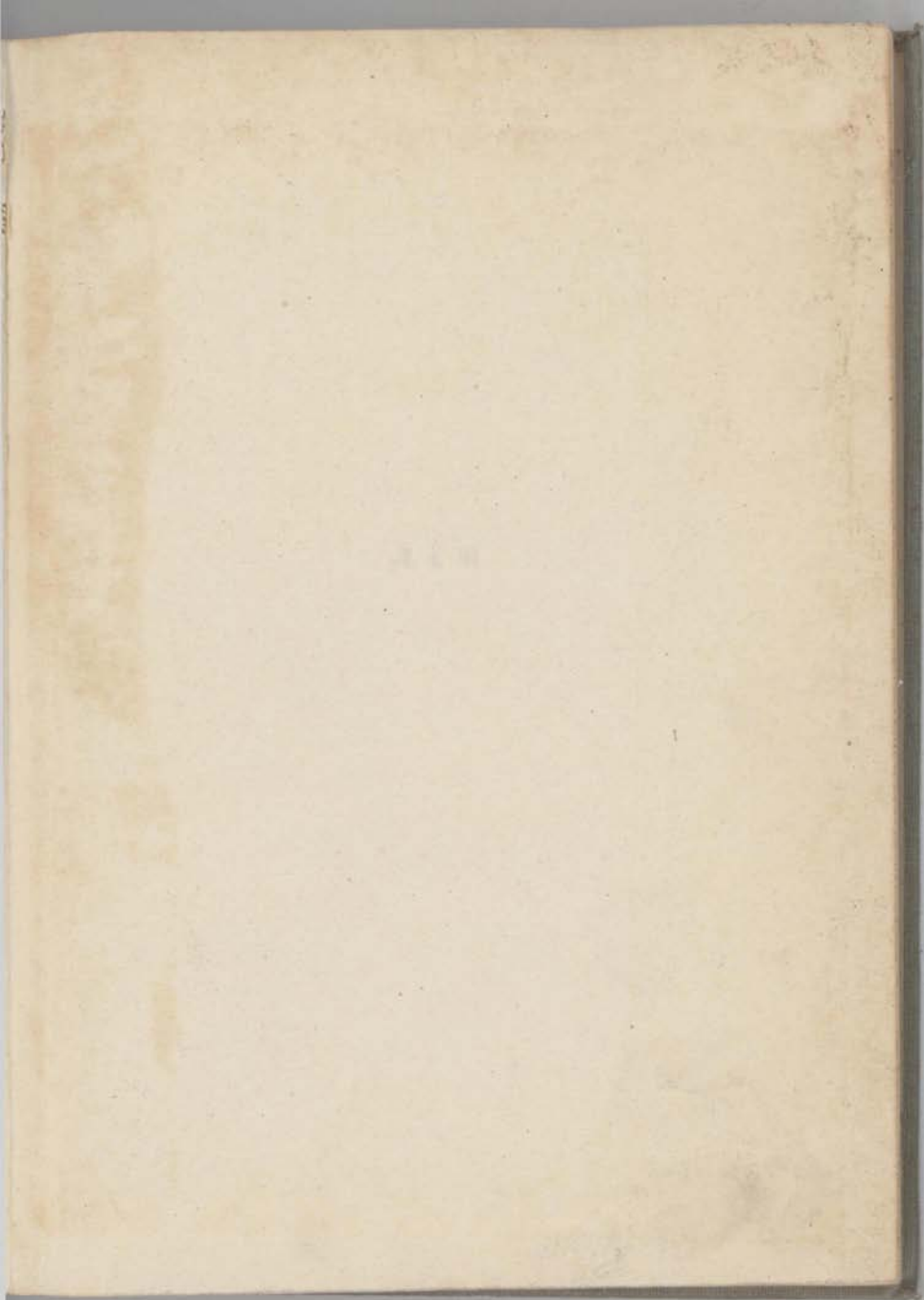
V.N. Karazin Kharkiv National University

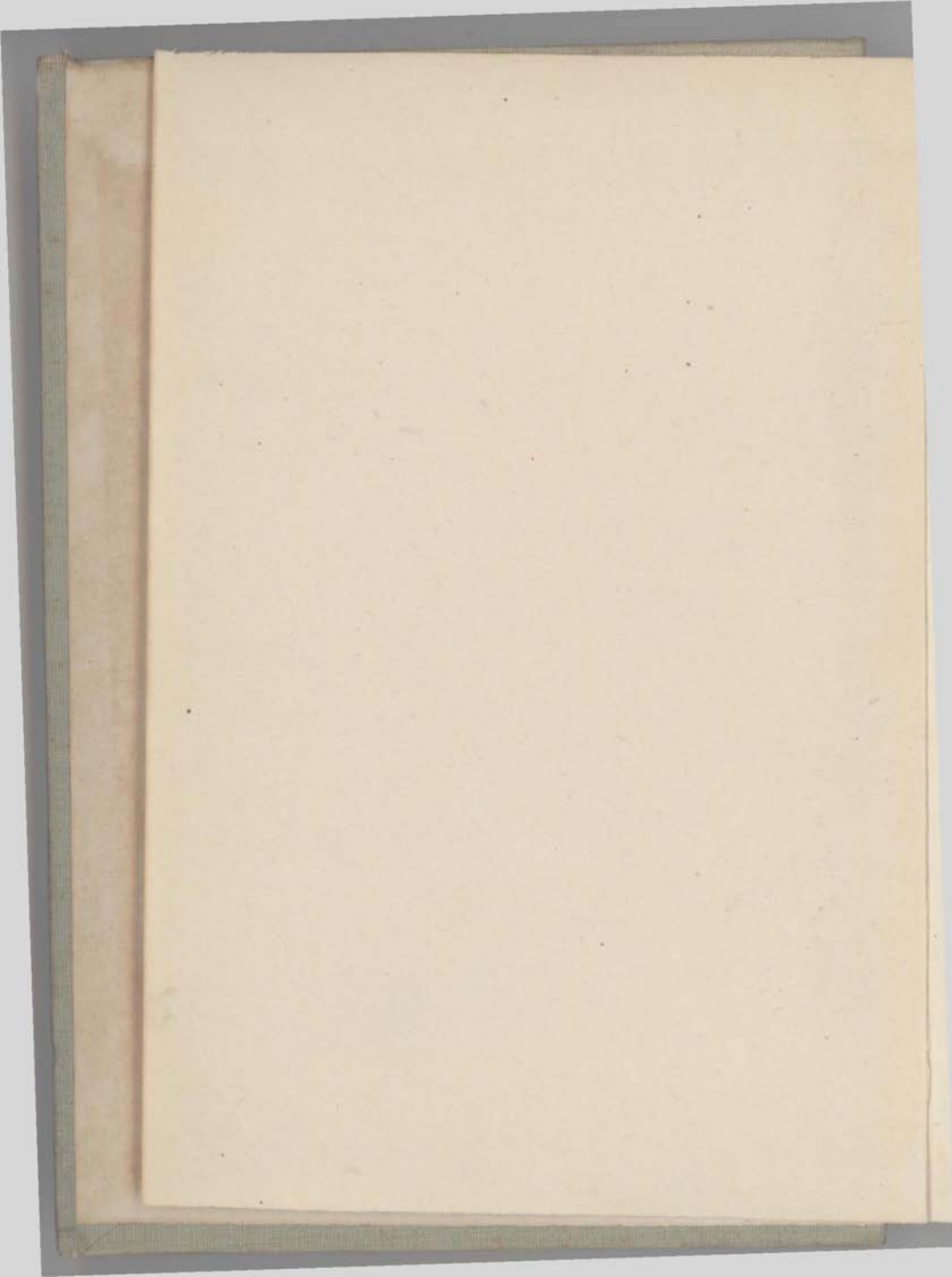

01156899

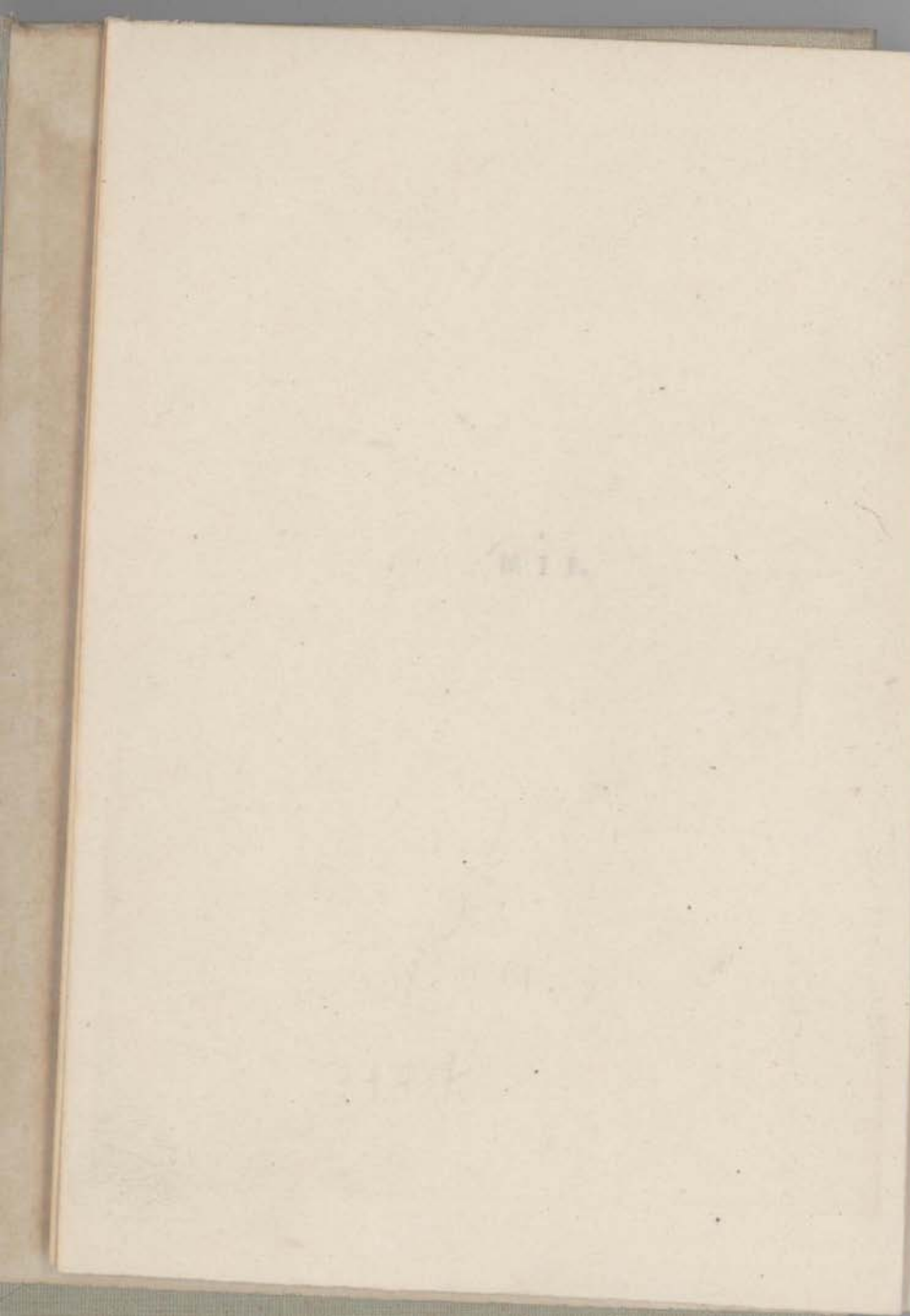
1

pk-8

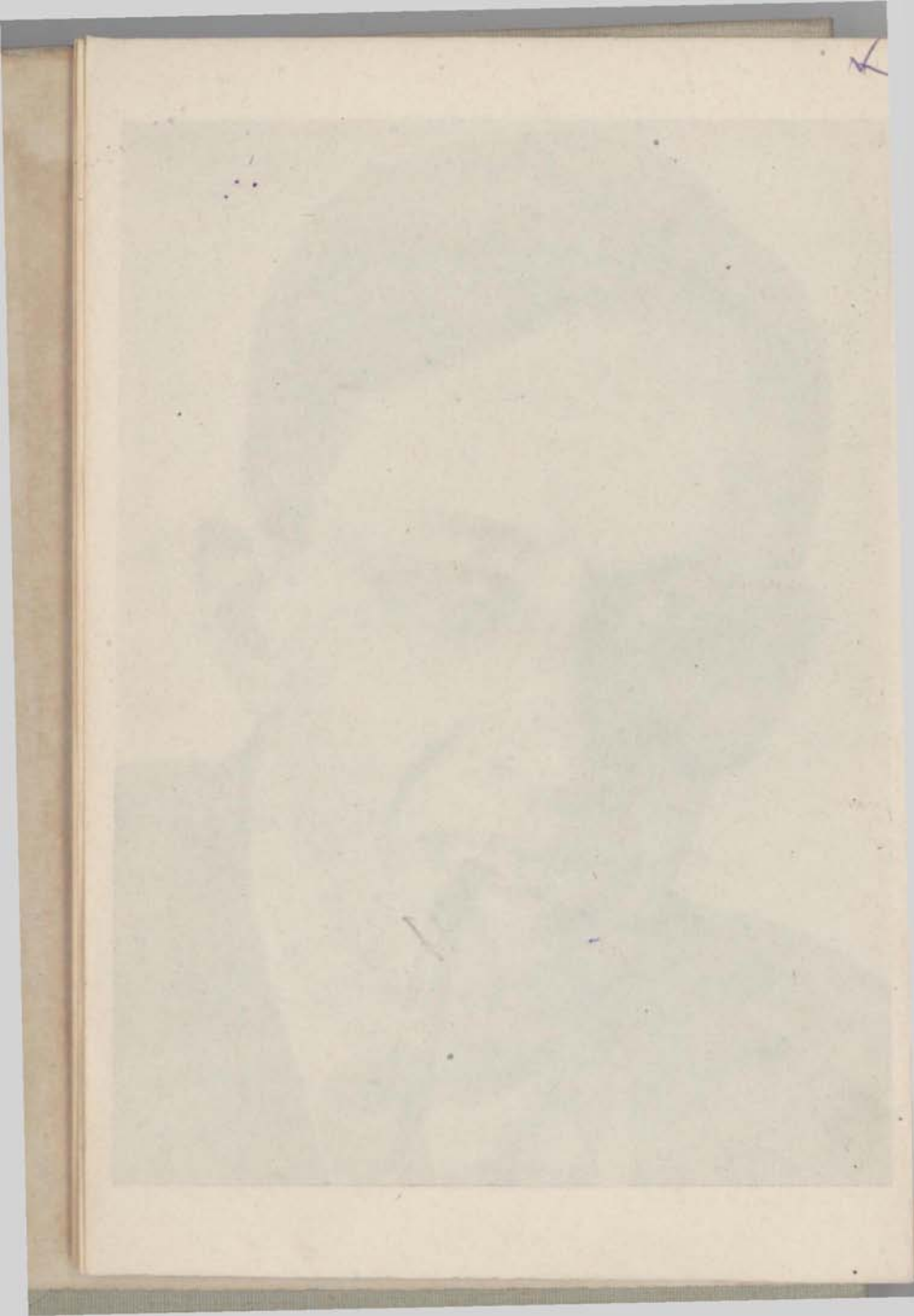

J I M

П-29

К
ОБЛАСТНОЕ

У

*
**ГРИГ.
ПЕТНИКОВ**

*
**МОЛОДОСТЬ
МИРА**
*

2882

5187

14107

ЛІМ — 1934

*Редактор Я. Городской
Художник Б. Белопольский
Фото С. Савченко
Технорук М. Гулак
Корректор В. Штепан*

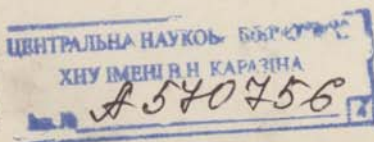
✱

Уповноваж. Головліту № 3371(855)
Видання № 79. Книжкова фабрика
Партвидав ЦК КП(б)У. Замовл.
№ 1201. Тираж 1500. 5/4 друк. арк.
Формат пап. 72х110/32. Здано до
друкарні 24/VIII-33 р. Підписано
до друку 12/XI-33 р.

✱

п-298-м.м

24717

*

**ИЗ РАННИХ
ТЕТРАДЕЙ
И КНИГ**

*

Издатель: И. С. Соловьев

Редактор: И. С. Соловьев

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БЫТ ПОБЕГОВ

1912 — 1917

BY THE HOUSE OF REPRESENTATIVES

1-АЯ ГРОЗА

Откуда взявшейся грозы
Предвестьем воздух переполнен,
Ее изменчивый язык
В снопах разоруженных молний.

Вон вылилась и залегла
На топотах весенней конницы,
То мгла каурая паслась
В дремучей облакони солнца.

Владеющий оружием бурь
Любой исполосован молнией,
И проясневший изумруд
Уже клюют литые голуби.

И где начало тучных пущ,
Подгромок сбился в синих пряслах,
И дождь, завечерев за тучей,
Упавшей в облачные ясли,

Вдруг заблестит в повязке веток,
Сырую выжавши лазурь,
И легкие вскружают лета
Стрекозы в радужном глазу.

ВОТ ОН! ОДЕТЫЙ СОЛНЦЕМ

Вот он! одетый солнцем
День мой — пробеган и выпит,
Кинься росой по кольцам
И, задымившись, выбей
В грозах поющую искру
На облаках и веслах —
Это ведь я тебя выдумал,
Выискал этою осенью.
Это теперь ведь наше
Время взнуздать сгоряча,
Всполохом встав на стражу,
Вылюбить бытом в ночах.
Вместе за тучей,
Вместе, как сокол
Гнаться и внове выучивать
Эту науку веселую —
Или, звеня, с разбега
Только по почерку молний
Мы узнаем дорогу,
Скрученную тревогой...

Красная Поляна,
сент. 15

* * *

Где время полегло в овраги,
И луч запутался в листвы тенётах,
Ведя разговор с серебряной веткой ручья,
Где вечер встает над полями —
Красноватою медью — над чащобой сибирских лесов.
Где иволги — дни из золота,
А соловьи вьют тугу в ясеня устьях,
И льют небеса, думные домны,
Сплав синий и черный — ночи,
Дорогую киноварь утра.
Где камни помнят еще
Настороженный полет времени,
Где скрещиваясь, сбегая ярами в затоны,
Деревá затаили огонь,
И мысль, облаченную в звук,
Ропот моря над орланами бури,
Глухие разбеги ветров,
Волнованья бескрайних равнин,
Тетиву деревенского утра,
И детскую пряжу весняного солнца
Называют — запевкой и лугом зеленым,
Грустиной, и думой...
Где горло у белого моря повязано серою пеной
И запахом рыбьего лова,
И тревожными стрелами солнечной ночи...
Где падумные реки твои протекают,
И синею веней протянуты к океану,
Из-под камня дымок зеленеет,
И огромные травы твои полегли в рукавах,
И чугунные тучи нависли над осенью этой;
Где люди рассказывают тоску буйным кружалам,

И грустят за колючею изгородью, зацветая,
Твои сады...
И протяжную ночью в черные зимы
Кружат песенное веретено,
Бегают торопливый челнок над тканью для сказки;
И в гулкое эхо таймых былин и окраин сливается
ропот людской.
Где времью дремучей обида встает
Из темнины забоев, на приисках Лены —
И воздух тяжелый прорежет веселый гудок заба-
стовки.
Ты азбуку нивы по старым межам изучаешь сохою
столетий.
Где заводы глядят на печалых степей пустыри,
И таятся под спудом железа веселые руды,
И заводы манят в таежную тлень осоки.
Где у темной темницы ни дверей, ни окошек,
И кандальною песней опета твоя колесуха...
А выйдешь на порог весны —
Полдень такой огромный,
Свет такой изумительный,
И беличьим утром ширятся шатры лазори,
Медленно отвечает твоя зореника,
И свинцовое падает солнце над диким полоном
войны...

Москва, 1914

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

И глянув в упорный берег,
Ты стынешь, упрямая Кама,
И постепенно первым
С напевами замер — нагорный.

В лето Добрянка братним
Убрана горным отдыхом,
И в перекатах — восемь!
Будь благодарна водам.

Сумраком мер одеты
Полосы Пьяного бора,
И потому покажется ветер
Вырван рукою вора.

Мертвых ли, каменных линий
Рост по увалам заметен,
И в заговор пихты и сини
Приисков говор введен.

И, выползая бадьею,
Вдруг повисает над устьем —
Дымчатая, седая
Железного блеска друза.

Тихие Горы, граниты,
Сланец, и глина, и сосны,
Каменной книги страницы —
Горнозаводская область!

Кама, июнь, 1917

ВЫЗОВ

Когда свершительной грозе лень
Пройти высокой сини свод,
Когда в земле заждалась зелень
Явить всевозбужденный всход,

Когда покров сугробов сорван
И — первый изумрудный стебель
Ведет землю с зеленым горлом,
Чуть голубея в нежном гневе,

И журавлиное наследство
Отражено в зенице рек,
Нора змеенеша у леса,
И топкий, весенейший брег —

Пора! у первенца на грудах
Поверженных и тленных трав
Пора поднять с сырого сумрака
Залегший лог и лонный став.

И — вот разбудоражен воздух,
И в теплых прозябает снах
Нагой росток — златима россыпь,
Лелеки легкая весна!

И обножь цветоносных дара
С глубоким гудом взнесена,
И первая в багрянце хмара
Взбегаёт в дымных ясенях.

1914.

Над солнью августа
 Простеюшая полнота,
 И за тяжелыми снопами
 Легла ли поступь желтопада.
 Да, в имени твоём —
 Овсяный перешопт,
 Сыреюшая тáень и отрада,
 И слышны запевы окраин
 Затонами синих умрав —
 И в небо въезжает, сверкая,
 Огромный полуночи Воз.
 Вон давеча зари
 Холодный вписан очерк
 В полян златимую ведынь,
 И видишь лунной гребли
 Потравы звездных поймищ —
 Окликну я —
 Ты отвечаешь:
 Быть в ясной гóлуби
 Твоих ведуньих глаз
 Сентябрьской зátени вздыхающего пара,
 Ты говоришь со мной пастушьими глазами,
 Бродя по рощицам дождя,
 Веселою волынкой ветра
 Вдруг всплещешься певучей чудью
 В росяной колыбели трав —
 Или игр,
 Этих верб,
 Этих жгучих касаний

И зачатий встречан летолёт —
Вот когда загораешься почерком молний
Ночь — как пепел вечерне истлевших берест.
Поле. Волны равнины

• • • • •
А там косогоры теплыни
Проплыли в летучую, думную зень,
И дымят, чтоб над мятой былины
Протоптать в синеве задивившийся день.

1915.

СЕВЕРОВОСТОК

Из заповедной, вѣдущей ночи
Очаг качаемого вала —
В верховьях северной парчи
Закован в руны Калевалы.

Смотри, и тесные граниты
Хранимы волею лесною,
И в темной кузне Ильмаринен
Тебе выковывает солнце.

А рыб серебряные плавни
Плывут по серой Ретти-ярви,
И голубой взбегает пламень
Сосны падумною громадой.

В озера — вылитую начернь
Влетают золотые ёлы,
Свечений чор вселенный начат
В седых владениях Похьолы.

И ты сражаешься за Сампо
Веками в области теней,
И утра нагорела лампа,
Чадя в гранитной зыбке дней.

1915.

БЫТ ПОБЕГОВ

Взморьем, изученным заново —
Ранние гривы вод.
Встала! Идет!
Оттепелы! День ясеня —
Серебро на листе беспризорно.

И темного полога первый
Восторг возвращенного сердца,
Отданного красной поляне,
И там же таежно истерзанного.

Но подымаются явные светы
За стаей поющего ветра,
И у быта побегов и веток —
Такая же свежесть, как строится войско сосен
На задонецком взлесьи — у девушки,

И вот босоногая пева
За мною взбегает на озимь,
И слово рассыпав, как бусы,
И бусы связавши в песню,
В лесу подмосковном, что музыка
О золотце марта забрезжит.

Янв. 1917

КОРАБЛЬ

Ночи беззвездная ошупь.
В бережé сторожатся луга,
Ой, зелёны таимые рощи,
Пой ты чор, очерет, берега.

Облаками владать, завалиться
За околицей в тёплый сузём —
Что ты морево снишься синицам,
Тополям изумрудовый дрём.

То ли в этих накатишься волнах,
Ой ты, дух, захлебнешься — и вот
Пролетели летелью приволий
Ждать окрест очевидных немот.

Радоустые звезды прижмутся
Под ветров голубые крыла,
И от бедер сутёмные устья
Свалкой жаркою втайне желать.

И ты дикой вскружаешься кровью,
Мир твой — темный поющий корабль,
Ты затоками падаешь ночи,
Молодая радуша моя.

От звезды до звезды он обогнен
И неузнан, как в сказке, путь,
И рассветом облитые окна
Тайным утром раскрыв, назову —

Назову, и на зорени тлея,
По завалинам тянется тень —
В этом мире звучаное племя
Отлетело в послушную млень.

Этой ночью мы будто двое
Полюбились с тобой на-миру,
И у лона, у темных пробоин
Закружились в ночную игру.

И затем ты уходишь от мира
В одурманенный, темный корабль,
Чтоб обидой тяжелого вира
Отзываться в ночных именах.

Облаками взойдя, — завалиться
В закурчавившиеся стада,
Да не выпорхнуть сердцу птицей,
Жаркой темью сновать и сплетать —

Чтобы в радом бреду изувера
Назарей послышался вздох,
Или кормщик не щупает берег,
Коль корабль засосало песком?

Свете тихий и белый,
Как под утро бывает в бору,
То-ли месяц-летун, половея
Лижет лезвием тусклый пруд.

И по зорям сбегая, матерый
Отумана ложится угар,
И рубахи мелькнувшие сборы
Палым паром курят по лугам.

1914, III

ЧЕРНЫЙ ПАР

Чернорудую грудь обнажая под паром,
Стороною родимую негуют,
И поят напоенные певом поля,
И поют берегами взыгравшего дага.

Полелея ведешь в целине лезвее
Серебристое в темь полоненные земи,

И, покрытая теплой порывной парчой
С деревенского дальнего грая —
Млада птичьего пева
Ветру в радость! древа! далина —
И за нею краины зимава,
Ясна майка ветряная вайя!

Март, 1915.

* * *

Круша ожин оживший запах
Неизбытых пространств, — и вновь
Сжимает осень желтой лапой,
Крутясь над олыбями снов

Лесных метнувшихся метафор —
Просекой утра в тeneвe
Влетает духовитой ржавой
Сплестися в емкой синеве

А там, отодвигая полог,
Разоблачается в краях
Над óвидью холодных молний
Тревогой входит в роспись дня.

И след ее заполонив
Там, где разостлан росный шорох,
Вот этот час молвы таймой
Отныне именем твоим.

1913

* * *

Море горело намереньем,
Чтобы взбегающий гребень
Пеною воздух одел,
Чтобы синеющий и непонятный
Бором окутал время
Судьбами, зеленью тел.
Но убегая умирать,
Гуще глядясь на берег,
Дали рядами считая,
Избыв дорогую измену —
Доверий
На лоно! под шопот пригорка —
Траву зажигая восторгом,
Ты будешь в ушах, как серьга,
Как плес золотого разлива,
Ты будешь горой велика
И лицами будешь сверкать
Лукаво мелькая — марина!

1915. Временник 317

* * *

Моя чередa —
В волнистой колыбели роста
Не стать не выше быстрым взмахом,
Но относительно серпа
Черпать тебя виденьем знаха.
Так просекается волна
На чистой волноловле пены,
И замечается облава
В веденьи хитрого алана —
Не знать о трепете ирана,
И мы наметим черни злата,
Когда ты скажешь, что не мерить
Не можем в смерти колыбели —
Так ты ведешь около колокола
Волнистой нитью всполох бора.

Коукапа, 1915

ОСЕННИЙ ПЛАМЕНЬ

Искрящейся, электрической,
неизведанной мною —

Этих иволг златистое вью,
Этих лао, плывущих рекою,
Этих глаз по тебе—узнаю.

Этих глаз моей джани и мверу
В берегу потаенных зрачков —
Я сказал — и звучаное древо
Зацветает, поет и живет

И ведет, как слепого вожатый,
По приметам невиданных троп,
Где сосут свою лень медвежата,
И где воздух размычиво нов

И где вечер взвалив, как вязанку,
На плечо, подымаясь в горах,
Буду помнить тревожно грозани
Голоса, в налетающий мрак.

И пусть нечаянный обман
Вплетается в сквозную осень —
Я буду за тобой, как Хозе,
Следить и длительно любить.

Вам бы все пить да скользить
Синею крышею мира,
И, раздышавшись, грозы
Звучную капельку выпить.

Вам бы вот это да день...
Тень набежавшая клена,
Золотolistая рань —
Млади радушное лоно.

Ты изумитой весной
Разве приснишься, и даже владея,
Буду хранить на вершинах покой,
Или впадать, серебяся рекою...

1915

ПОРОСЛЬ СОЛНЦА

За поросль — * — — — —
На солнце — — — — —
Давно — — — — —
Та — — — — —

ПОРОСЛЬ СОЛНЦА

Что — — — — —
В — — — — —

Привал — * — — — —
В — — — — —
И — — — — —
На — — — — —

И — — — — —
На — — — — —
И — — — — —
К — — — — —

Порося

1914 — 1917

ПОРОСЛЬ СОЛНЦА

За взрывами весенней воли
По золоту тяжелых крыл
Высоким ветом радой доли
Ты дикий воздух освежил.

И тяга темная оплечий
Таима молнией дивес,
Что грозной пóлыби полетье —
В суровом былье влажный мнестр.

Прийди в предсмертии конечном
В края отрепетных мсрян,
И пламенем высокой встречи —
На русых пажитях заря.

И первый жар златимой стражи
Как озаряна буйных лав,
И молви солнечная пряжа
К лесам железным подошла.

Петроград

* * *

За март, за омысл смерти
За лонные тысячелетья трав,
В таймый жар любви неизлечимой,
За дзеу путь-о вить-о за-у мрау
Ведет поутрий чур по лугу
У влагоды тепло раскинувшихся Уд...
И чешут волосы у синих трав русалки,

И в горло го, как в горнее легко
Слывут словами русл игралья —
Не заростет росяный русский цвет,
В сквозную звучь зовучих чет,
И марных сумерек
И деревенских пряж —
И конский череп на шесте
Несут ватагою к реке —
То леть русалий
И—жаркая по солнцеросту ветвь!

Красная Поляна,
1914, май

* * *

Как медленный полет птицы,
Летящей к знакомому вечернему дереву,
Как ясеня серебряного сень
Несет отблеск всевозможной выси,
И доводы ветра, как шорох полесий
Узорами северной вицы
Воспетая теплым поморием мысль.

И ветви зеленой веры
Осеняют, отдав синеве
В поединок тяжелое лето,
Небодара холонущий серп.

Значит пламенно облаку верить,
Заростать купиною звезд,
Чтоб полуденно голубоперой
Просияла вечаная повесть.

1915

* * *

Говорит подгромок старшему своему брату:

Дождя дар силу листную радует,
Дождя жадного золотые струи
Ра собрал за арбою жаркою в гром небесный

И нежны женные дивни трав,
И земле долу зореника лесная.

Серый мнев вот листья зелелея
Изумрудом мурома и млавы —
Веснеструйна лава!
Да обряды брата скажут в четких каплях:
Будь свежее!

Я ПРИНИМАЮ СИНЕГЛАЗЫХ

Я принимаю синеглазых
Окраин вешних простоту,
И странную вдыхаю ясьень
В засеребреншемся листу.

Что это будет — только очерк
Дивеева скита лазурь?
Иль буйный рост, как живопись, как роща,
Поющая и пьющая грозу.

Какой густой овладевает ветер!
По заводям зацеловав траву,
И чувствуется, как цепенеет
От марта смерть в падучем покрову.

1915

ПИСЬМО (утро)

Твоих речей младое дивованье
Как радонез волхвующей косы —
И лес в червоной дыми встанет
По осияни осени в разлогах синевы.

Калмыцких скул твой милый дивий очерк,
Какою радугой нагого взора речь —
И полонянки бег — и облак
Сомкнувшихся, как своды, плеч.

О этот очерк давний дан мне в помощь,
Твоей улыбке он залег, и вот
Он говорит с дождёвых поймищ,
Что весь обрызган свежею строфой.

Ты кличешь вновь меня,
Волнуя в сонной смоли
Твоих волос целованную прядь —
Дивунья! помни первой молви
Певучий серп краснополянских гряд.

1914

* * *

Пятнистою рудой в корнях,
Еще невоспоенных влагой,
Ты холодеешь тело рослого ствола
И твой добыток — равнодушие блага.

Но снами томятся подземий
Пласты плодоносных кровей,
И твой высинеет отсек
Изумрудами мрущих ветвей.

О, младеющий véмою в быте
Непременною владой плодов,
И упевами выполнен, выпит
Соловьями расплеснутый дол.

Москва, 1916

ТЕПЛОРОСЬЕ

Теплоросье. Троица. Утро русича.
И коня ветрового заковывать уздой —
Травы вяжут веру зёмною рукой

И в купель голуболапую упево
Золотеет звенью, родом, радостью капель.

С неба — травы — и о твой затравок
Колыбеет вменно черноземий пев.

* * *

Травы. Окрая
Полосы синие — взрывы легчайшие
Неба —
Ленные нравы.

И станут травы умирая — вянуть,
И негу вемую давно забытых дней
Развеет степи песнь,
Голубопенная, открытая вечаль,
Вечерняя печаль.

И станут немо отовсюду веять
Напев знакомый ввечеру,
И ночь уже синебая младеет,
Ловя лучей мелькнувшую игру.

1914

* * *

Перед тем как ты встаешь,
Голубою мглою выгнан —
Этот миг, чтобы надпить
Из криницы звонкой были —

Точно к вечеру, когда
Заревой дугою стянут
Умный лес, и облака
Виснут глубиною пьяной —

Перед тем как отойти
Им в затон иной полночи,
Ты звончее напои
Пламенною влагой почек

И как родина — степь,
Это имя, звучащее давней,
Чем любовь, что в тяжелом пласте
Залегала рудою на плавнях.

Этот миг хорошеет, отметь,
Над черемух вскипевшей тропюю,
Что и снов раскаленная медь
В этом полдне, таком огромном.

1916

ДИКОЕ ЦВЕТЕНЬЕ

Пыл липы поюнной не свеяв,
Задышав, и цветясь на лету
Розоцветом, путем понебесий
Взнесь ой днесь убирает весну

Достоверно немея от дневий,
Полыхающих влагу — голубь,
Бологами плавает упевый,
Обернувший перуна главу.

Аль не холодом лога владая,
Молодая зайдетса серьга,—
На златистых витая стаях,
Как отгулов литая листва.

Москва, 1916.

ПОВЕСТЬ ЛЕТА

Жара выпивает воду,
И в небо — что в голубую трубу
За сумные устья суток —
Упев краснобурия в бору.

И породы на цветени лета
Захолонут в пологах тенес,
Занемевши дремучею верой
До обычая вешних живес.

И тогда от лица целины,
От праха взрыхлённых обличий
Изумрудовый плен опыли,
Вознеси золотеющий вывод!

1915

* * *

И в топи вечереющие уходя
Ко сну литвой целованного листья,
Как бы иной осенней свеи прикоснусь —
И в этом золоте певучий перегар,
Смолистой крови жгучее монисто.

Сестре моей, ведь это ты велел,
Ко льну прильнув у синевеи лета,
О лонных позабыв следах,
Земле клонящегося света
Ленивую лазурь испить,
А там степями находить
Во сне какой не помню ветер...

Так вот они! — летучие следы,
Дивеющего лета слепок,
Просторный шум заведеревших райн,
Гряды бушующих упевок.

Какой же дух земли тебя связал
В морских речей седое волнованье?

Оллила, 1917

ПОСМЕРТЬЕ

В кору хоронят соки слепо
Раденья тонких вербных вен,
И хладами вскормлённый север
Уже заведомо забвен.

А вот когда в весны предсердьях
Встает аорты тяжкой ярь,
Ты володом каких посмертий
Вдыхаешь целины испарь?

1916

ПЕРВООСЕНЬЕ

Ты падаешь в сень сентября
Лежалое, дремное жнивье,
И влаготу весн затаят
Твой утренник — пламенный иней...

Но негу синели прияв
В узорник ветровых событий,
Твой тлен на листа острях
Ведется от века обычен.

1916

ЗАПОВЕДНОЕ СЛОВО

Берез серебряные латы
На роз сменяют утр подвой,
Как зорок блеска взлет крылатый
Всеневозможных древних хвой.

Так вот, за окраину рока
В неверную, нѣмую глушь
Это пев голубеет высоко,
Что росяный, рослый покой.

И в ровное море грома —
Обломок червонного дня:
Овсяные никнут токи
От серых сетей дождя.

Сарское Село, 1916

ВЕДУЩИЙ СТИХ

Идут голубые дружины
Ко сна золотым водопоям,
А ты по сиянию путины
Расплещешься звездным прибоем.

Где верб наклоненные веи
Прозорами палых темнив
Сходились, немея навеки
По волнам бегущих равнин.

И там обнаженные земли
Любила жестокого тела,
Где оржаная дремлет
По сумеркам хмурая зелень

И в холодную проседь реки
Мирозданьем не ты ли летана
Кружевами тяжелых раки
В омутá обуянных преданий.

1916

* * *

Когда б от веющих окраин
Иные возникали нови —
Видений сумеречный рай
Вставал певучей поднят кровью

И в час урочный, в немоту
Твоих слетевших градин точно
Потянется и тайный бор
Свидетелем сожженной ночи.

А с золотых костров уж день
Последним углем тлелся там, где
Вдруг затевал с лучем игру
Неузнанный тенями ангел.

КНИГА

МАРИИ ЗАЖГИ-СНЕГА

1916 — 1919

ПРОЛОГ

Открываю небесный букварь,
Поученья ночных повестей,
Синевет степей слепота
На алмазном, осеннем кресте.

Красотиной вестимых ночей
Ты вспоешь в тополёвых ветрах —
Но, о, чей в замуруд-знаменах
Оржаными летами почил.

Там, в седейшей небесной пыли,
Остывающей к вечеру дней,
Расплескались баюны земли
У колен голубиной реки.

Открываю певучий букварь —
Знать по самому буреvu дней
Во былинах такая ж туга,
Как дивес соловьиная смерть.

* * *

Учу весны зеленые страницы —
Окрая неба лавой зорь
Повита серебристой вицей
Ручью внимающая ширь.

Реши теперь, кто набросал
По ней горячее узорье,
Кто зёрна синевы вознес
И расплескал поючие озера.

Ветвями лет растут нетерпеливо
Разливы мудрые дремлин,
И в битве темноликой жатвы
Нагружены ржаные корабли.

Да, были в ветренную ростепель
Во взорах розобурых ольх
Приметы желтоглазой гостьи
Разлогом небывалых волг.

Руки ветра несут в закрома
Сокровенную память солнца,
И ему отгорать в покрова
На серье поручейного золота.

Замечаешь ли утренних нег
Смерти зов — голубую купель —
И с небесных потрав и просек
Выпьет осени синь журавель.

Вот когда наяву листопад
И багряная длится отрада,
И лучей косоглазых сестра
Метит тень на пшеничной пряди.

И в ядрёный порядок земли,
В рощи рос, в растворённую марь
Побелевшие лягут утра
Среброусой травой умирать.

И тогда вот кривою строкой,
Точно теплою кровью шума,
Молодыми путями легко
Трубачи октября прилетят.

И за ними воздушным путем
Мы подыдемся в города,
Где за дымной грядою домов
Жизни новой взбежала звезда.

1918

ПОСВЯЩЕНИЕ

О лоно полное — пламя!
О, нóчери черная плата,
Дремлин затаенная млада!
Поюшая вёсное вéди,
Понятное струнам баюна.

Ей надо, чтоб внове ржаная
Рожала, ложая снопами,
Всеярую молний нежданно
Взлетевшую звездную память.

Посмертьем ее сонаследий
И в лето льняное по сердцу
Оденешься в солнечье веток,
Чтó в детскую, древнюю дерзость

И девой дивея — в забытье
Сентябрьских, расплавленных дней,
Снимаешь небесное мыто,
Немые разлоги небес.

1914

ЛИЦОМ К ВЕСНЕ

В такую горячую весень,
В такую веселую заросль
Вошла — и раскинула песен
Сплошной зацветающий парус

И стаей лазурного вымысла
За мною в кленовую летопись
Неслись на весны коромыслах
Дремучие скрипы и шелесты.

И в этой распевшейся прелести
Апреля — летучее племя
Молвой дождевою от ветрости
Срываясь, впивалось в землю

И, там насыщаясь от чар его,
Легла в золотистой обнове —
И дней густолистое марево,
Как повесть, как поросль кленовая

1916

ПОЛЕ ПЕСЕН

О не время ли по солнолетьям жить,
Жечь костры на косогорах черных,
И поя поднять медовый слиток
Мачт сосновых осени дозорной.

По сияни росной звездопада
Ты лови ручей ковшами синевы,
И утреннюю русь встречай в младене сада
Звнящей тишиной проснувшейся молвы.

Слушай, ветер — от немолчной плоти
Ты ли то нападаешь с листа,
Как и я по звездистым сотам
Зачинаю тобою блистать.

Заплетаешь косы загоревшим горем
В младенец лесов нагую тосковань,
А весной ты выбиваешь поросль солнца,
Через мор идя в рождественную рань.

Ты ведь знаешь, чем тоскует
Степь июня в стародавних межах,
Чем ты тягу вынесешь мирскую,
Что чудесный ход вещей упорно держит.

Только выход молодого племя
Из темнин слепых и клеток
Сдвинет ковылей седое дремя,
Разбежится в северное лето.

Поле песен. Оно прозвенело оружием
В этой жизни младенческий шум,
Когда ты в сиянии кружишь —
Мы с тобою в одном ряду.

1917

ВИДЕНИЕ

Росою проронила в ночь
В обыт медлительный и грозный,
Грозу разворошив воочью
В окопах накоплённой проросли.

Бывает радугою речь —
Позаслонив кссу густую,
Упавшую с горячих плеч,
Она прорвется в тьму литуую

И туч кочевьем увлекаясь,
И крадучись лучем вечор,
Среброслепительною ясью
В немолчный роздых увлечен.

Как роздых — дождь,
Как прозвище он послан,
И выпит пожелтевшей пожней
По каплям осени и росказней—

Вот ты мелькнешь — и, наконец,
С златолитейной выдан выси,
Прорвется солнечный гонец,
Из ливней синевы напиться.

ВТОРОЙ КРУГ ВЕСНЫ

И на становищах весны
Седые разломав зимавы,
Нежданно вырастаешь ты
Первоцветением купавы.

Такой же благовест реки!
Такой же крест — такой же отдых,
И на поветриях ольхи
Хмельные, буйственные вздохи.

И владу молодо прияв
В развернутые мироздания,
Ты — нежная, немая явь,
И певческий твой вечен данник.

Природа северо устала
Лелеять небытийно сны
Стоветвием — столетье тала,
И в явственную синь весны

На изумрудные поруки
Отдав в разлив иной февраль,
Поет весеннейшею вьюгой
По руслам рвущуюся даль.

РАДА ГОР

Ты победишь ее немое постоянство
На пьяной пене вставших хмар,
Железный март! Отбушевавших странствий
У рады гор хвои зеленый, шумный жар.

О, правда ли, что в темной дрожи
Явитель облачных вершин
Грозой слепительной находишь,
И, синий парус наклонив

В упрямый быт, в ее немые гряды,
В просторах черных ищешь ты весну,
И вот она опять заволновалась радой —
О, лунный лог расположен ко сну —

Но ты блеснешь, коснешься скрытой сини
Как я, что в этот выюжный век
Расколдовал неразлучных иней
Твоих ресниц пушистый, вешний мех —

Явись опять, черпни златистой выси
И, покорив глухую сумеречь болот,
Земной весны благовести отныне
Младых веков падумчивый прилет.

1916

УХОД ГРОЗЫ

Еще гроза не переспорит снов
Касожских золотых песков,
Но чутся твоё преображенье
И в ливне лиственных речей
Над лирнем радугой сближенья

И перекинешься тогда
На степь такую перекличкой
Листов, сердец и ковылей
В неизбываемое величье.

И так же будет ветер гореть,
Упругим летом лен тревожа,
И с смуглых плеч твоих морей
Слетает волн седая голубь

И горы голубые грома
Нагромоздив в гудящей полумгле,
Бросаешься в небесный омут,
В младенчество апрельских лет.

ГРОЗА НАД ПЕТЕРГОФОМ

И был простор, и был раскован
Литавр подкравшегося грома,
И за ватагой златоконной
Разгон стенающей истомы.

Слепым наплывом повечерий
Твоя синеющая мгла
Отдалена в леса, — и червлень
Над голой нимфою легла.

В черновики глухие вспышек
Она занесена тобой,
И говор взбаломшный снижен
Надвинувшейся темнотой.

И зябко отблистав в озёрах,
Молниеносцев гонишь в даль —
Над эрмитажами в узорах
Тоски седеющих садах.

Петергоф, 1916

ТВОИХ ТИШИН

В. С.

Твоих тишин неуловимый вывод —
Как обойти звенящую траву,
Кропя ржавеющее жниво
Росою осени, грустящей поутру.

Напевом волхвующих иволг
Поишь земли пьянящий шорох,
Раздолий вылившийся вымах
На сталью выгнутых озерах.

И это серпень полевою волей
Впрядет в озимое рядно
Узоры плахт, родимый голубь,
Влетевший в осени окно.

1915

* * *

Желтое вкраплено племя
В пламень сгоревших берез,
Дивеня белая пева —
Осени широкоплечий рост.

И первые житные бармы
На пролитое пламя полей
Возложи златожарю марой,
Знаком ясени — плодоносящий след.

Радонеж! О, гореть невозбранно
Краснолителями этого дня,
И понять лепоту за порадую
Радонегой былинной огня.

ОСЕННИЙ ОФОРТ

И приход сентября без отчета
По восторгу горюющих мет
Узнаю в синеве омраченной
Твой мелькающий мех — ясенец.

Это ржавчина пала на листья,
И в лесов живописных цехах
По осенне-приподнятым высям
Чуть заметно легла полоса.

Или сумраки входят в овраги,
Набросав синеверхую сеть,
Пролетающей поверху тягой
Колыхать облегченную ветвь.

И в развеянном великолепии
Ты в прозористыйходишь сентябрь —
За своею воздушною смертью
Над прогалинами лета.

Или там — на невидимых крыльях
Вдруг пронесишься клином, шумя
По осенне сутулым темнивам
В зябкий утренник легких румян.

И дичая и в чащах роясь,
Серебро разорвешь паутины,
Или шорохи — странная ясь
На Донце в перелетах утиных.

И тогда от высоких потерь,
От пропаж, от пролетий куста
Станет холода ранняя тверь
Сединою кружить на висках.

Красная Поляна,
1916/19

НЕТ, В ИМЕНИ ДИВУНЬИ ЗОЛОТОЙ

Нет, в имени дивуны золотой
Я слышу шелесты неувяданья —
С разгулом солнечным слито
Ее немеркнувшее волнованье.

То ли дикая плоть залегла
В буревалов гремучей кошме,
То ли кликаешь сон соловья
По речистой, кочующей тьме.

О, владелый мятеж серебра!
По зимовьям покорствуя мне,
Ты на песенной утра ладье
Выплываешь радений сестра.

1915

р
- молча
а.

ый див

ий золо
ханье,
еры

предан

* * *

Русалий лес.
Выходит лось-звезда,
Боднет вершину дуба —
Твоих серебряных чудес
Спадает ясная узда
За день тенеющих раздумий.

Ночь залегает
В ясли темноты —
Знакомым знаком выведет просека
Обвалы небывалой синевы.
Первоначальная гудит беседа
По ясеням звериной иневы,
И поручейный дым, и день,
И в шубе рыжебурой ствол,
И тенепада голубая рень
(Мое вечаное родство)
Прольет падумчивая голубь.

Пушистой темноты
Потянет дым —
Донцами,

полночью тумана.

• Таким узорам понизу младеть
Да цветнем свадьбу ветровую ведать.

Чаруний соловьиный куст
Расплещет
Ночь.

Янв. 1917

* * *

Еще не порешила ночь
Сгореть — и задымиться в спорах,
И углей тлеющих звоночь
Разворошить в широкий шорох.

Предутренняя тлеет степь,
Развесив влажные полотна,
Она дохнет — и, заблестев,
Клубится оловом в болотах.

Едва сквозь предрассветный бред
Раздвинув перистую область,
Окрепнув и помолодев,
Встает миров дремучий голос.

И в просыпающейся рани
Вот в этот час гореть и греться
Твоих встревоженных свиданий
В степи разросшегося детства.

Большой травой напомним под вечер.
Набухнувшее великолепье —
И в клейком поцелуе почек
Объятий теплимая темень.

А ты озябшей россыпью,
Узнав молодняковый окрик,
Потянешься зеленой одымью,
Уже проснувшейся и вогкой.

И снова красною ватагой
Приходит полдень изумленный,
В Днепра блистательном братаньи,
В веселых, солнечных знаменах.

Киев

* * *

На зеленое лезвие леса
Упадает, отдав синеве
Всеоружье пернатое песен
Пламенами в обит по тебе

И виднеясь в синеющий небом
Полдень — лавой благою брегов
Ты — весна! закипевшая дровом,
Изумрудом зажженных снегов.

ПЛЕМЯ ЗВУЧАНОЕ

Н. Бруни.

В побеге ветвистого ветра
Потребой ночью владеть
Ты племя звучаное смерти
Предал торопливой волне.

Цветают искры и — умирают
Лётными звездами света
В копытах небесных коней,
А пламя зеленое гая
Рассыпет кочевья огней,
И время весняное веять,
Листве изумленной кипеть.

Хлебнув озерной тишины
Голубопламенной онеги,
Первоначальной тени
То яблони веселым снегом

На мотыльковую метель
Кружат в садовых побережьях,
И током голубым слетев,
На вещь ложатся свежесть.

Апр. 1916

ВЕТВЬ ЛЕТНЕГО ВЕТРА

Как летний раскинулся ветер
На гор закипевших стадах,
Как встали повстанцами недра,
Как пела ручьями вода —

Что в былях поволями встали
Ее сребролистые тучи,
Что взоры в речаные дали
Толпой голубою кочуют —

В талях воздушно немых,
В пророслях росных купин
Дух окрылен голубых
Ростом певучих глубин.

ИЗ ЛЕТНЕЙ СТЕПИ

(Вариант)

Еще не порешила ты
Сгореть — и задымиться в спорах,
И углей тлеющих следы
Разворошить в высокий шорох.

Предутренняя рдеет степь,
Развесив теплые полотна,
И ей лиловым заблестеть
И — выступить веселым потом.

И вот сквозь предрассветный бред,
Раздвинув перистую область,
Окрепнув и помолодев,
Встает быля широкий голос.

И в просыпающейся рани
Тут первым брызгам загореться
Твоих встревоженных свиданий
За степь разросшегося детства.

Большой травой напому под вечер
Набухнувшее великолепье,
И в клейком поцелуе почек
Объятий теплимую темень.

А ты растущей россыпью
Услыша синеватый окрик,
Потянешься зеленой ошупью,
В слезах проснувшейся и вогкой.

Раздвинув своды по логам
И дав им упереться в рощи,
Ты тенью кинешься слегка
В дерев золотоверхий росчерк.

И чашей крыл в ее синицы
Свивая день, и тепло, и лепет,
Каким еще великолеплем
Степной былицею присниться?

* * *

...А выйдешь пространствами ночи
По следу рассыпанных рос —
И разве что только на помощь
Бытий понадвинулась поросль.

А выйдешь в заставы — и снова,
Смарагд отряхнувши жуков,
Той степью стреножена обидь
В поводьях тоской табунов.

И темень сдвигая в обрывы
С копён зацветающих звезд,
Что давеча веткой наплыли
Во весь синевеющий рост —

Ты вся разбежалась цветеньем
Над палом дымящих костров,
Огнями над ветлами теми —
Ночной раздвигаешь простор.

Развеяв и вымыв прудами
Поветрий и трав перегной,
Поляжешь упрямой рудой
В ночное безкрайних лугов.

ВЕСЕННЕЕ ГРЕМЯ

Не сердце ль ветров половецких
Узорами зарного племя —
Не ты ли вскипело подвеской
У липы весеннее гремя?

Замрет, — но у зурны лазурной
На утро — по роздыху розы
По заросль вгружается бурное
Все в молоди рясное озеро —

И в голубь державного лада
Впадают дремлинные русла —
И устлана русская млада
Распевом простым радоуста.

1915

ИЗ КНИГИ СТИХИЙ

На вышней темной тополи
Запутав ветра бег,
Вскипел мятежной обылью
Любимец буйных нег.

Разоблачить улыбчивое племя
В затонах потонувших трав
Сестре золоторыжей нови,
Где дремлют ярые утра.

О, пусть по складу даровитых зорь
Зальется багрецами злато,
И пусть дремляный и единый бор
Тысячесердной двинет радой —

И пусть черезполосиц след
Сольется в изумрудных рудах —
Ты видишь новину земли
Светаньем в хлебородных гудах.

И ветры ржаного запева
Взнесли осеняющий путь,
И за тугой и тягой посева
Красота младеняющих утр.

И тронув струны тростниковых уст
По устью солнечных артерий,
Забьется берегами грусть
В таемный дых речных владений.

И огибая лес, как время,
Ты входишь в молодости лона —
В реки блистательное стремя
Тревогой взвешанных знаменах.

1918.

ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ — ВЕСНЫ

Пои и пой в военном дыме
Самозабвение времен,
Доколе темные обиды
Веков не взворошили сон.

Ты возвела, велела лету,
Чтоб вырос выпренный в тебе
Взмывая небосиний ветер
Наперекор речаных недр.

Но ты воспоена, стихия,
Иным воспоминаньем нив,
И тишиной предбурья стынут
Окопов темные ряды.

И новьями понуро примет
Копье всепьяная земля,
И солнечье иного мира
С собой аврора привела.

Ты в ветре вспоминаешь прежнем
Береговых миров загар,
Косноязычьем человечьим
Вещаешь Октября пожар.

Матросских разгораясь робах
На села кинешься тогда
Солдатской правдою в окопы —
Земли ведущий володарь.

Пой и пой в весеннем дыме,
Косматой накупай грядой,
Смотри, как час голубонебный
Богат свинцовою грозой.

Петербург, 1917

НАЧАЛО ОКТЯБРЯ

1

Когда заря на водах Невки
В мостах оставит сон течений,
Золотоперые упевки
В кострах иной простой ночи
Являют имя древних мщений...

2

А с утра трехтрубный крейсер „Аврора“
Весь в сером дыме
Утренний Невы —
И первый вал выходит в город
По трапу, толпами густыми —
Свести мосты, и став дозором,
Подняться в шорохах воды.

И тишина предгрозий выступает
Условным говором гудка,
И ночь бессонная над Смольным
Таится в замыслах ЦК.

3

И вечер в чернях обводных
Каналов
Поводит два глаза: зеленый и красный
Огни на мачтах,
Сигналов веселые птицы —
И на Мариинской броневике балтийцев
Снимают парламента ржавую накипь.

Землей нарастает поле.
 Роют окопы у Пулкова.
 Поют пулеметные ленты.
 Под Гатчиной бой. И в полыме
 Идут отряды Крыленка.

Заря развернутая сводится.
 Ночь отступает.
 Входит молодость.

Академия,
 окт. 1917 г. Петрокоммуна, 20

РЕВОЛЮЦИЯ

Она пришла — и в сердце каждого
Родилась новая жизнь, как восток из заката.
И вот — Россия — это дом,
Как никогда — **ТРА-ТА-ТА-ТА**

НОЧНЫЕ МОЛНИИ

Как в темноте ночи, она приходит в гости,
Она в сердце каждого — **ТА-ТА-ТА**
Наша жизнь — это **ТА-ТА-ТА**
Чужие — это **ТА-ТА-ТА**

То — это — **ТА-ТА-ТА** и **ТА-ТА-ТА**
И — это — **ТА-ТА-ТА** и **ТА-ТА-ТА**
И — это — **ТА-ТА-ТА** и **ТА-ТА-ТА**
Словно — **ТА-ТА-ТА** и **ТА-ТА-ТА**

Этот журнал был
первый раз в России
первый раз в России
первый раз в России
первый раз в России

Этот журнал был
первый раз в России
первый раз в России

Автомат

1917

1917 — 1927

НИИ ИИ ИИИИИ

РЕВОЛЮЦИЯ

1

Она вошла — и всполохами затенив,
Росла как степь, как полк буденных,
И вот — России эти дни,
Как почерки весенних молний...

2

Как с гор ручей, она впадает в темень
лона,

Она в ночей вникает полноту,
Или к земле тревожно ухо клонит,
Чтоб отозваться музыкой и тут.

3

То шли года — лукавая и полая вода,
И золотая медлила секира,
И грозами играть устав,
Светала за холмами мира.

ВСТРЕЧА С ЖИЗНЬЮ

Мы живем как в отсвете витаний
В этом алом лоне лет,
Может быть опишет нас верней с годами,
Летопись прочтя, какой-нибудь поэт.

Он наверно, в старых списках роясь,
Загорится пламенем одним,
Что и мы, которые вот в эту повесть
Дали столько действующих лиц.

Он возьмет вот этот лист газетный,
Но куда спокойнее, чем мы,
И по гранкам прежним незаметно
Вспыхнет пламень и взвоется дым.

Даже сквозь обугленные строки,
Ты услышишь, как шумела жизнь в те дни,
Как горел сторожевой костер, и токали
Пулеметы, отвоевывая мир...

Будут годы проходить веселой цвелью,
Мы зерном легли, но в золотом бреду
Вот уж скоро осень — нагибает ветер
Рожь в хозяйстве молодых коммун.

Синий-синий и тревожный воздух.
Степь у Сиваша опять гудит в боях.
Скоро полдень мира, но неведом роздых —
Только, далее темный кряж пройдя,
Теплой бухтою откроется пред нами
Солнечная, новая страна.

Ленинград, 23.

РИСУНОК УГЛЕМ

Только светало. А он уже шел,
Зачатый рано, в туманы, гудками,
Сбитый ветрами, в бульварах свежо
Пахнувший стройкой, смолой и дождями.

Медью ли тлела слепая заря,
Жить ли звала в заводских корпусах, —
Он высыпал на платформы, горя
Памятью рощ и поселков дымясь.

Да, просыпаться ему не легко
Было. Он плавился шлаками ночи,
Он остывал, изумляясь меж прочим
Тенью кустарников, звезд и рекой.

Вот он по крышам, в антеннах залег
Плавиться золотом над этажами,
И напевая лучем, — уголек
Первый проснулся в синеющем пламени.

Дальше пошел разговор по цехам.
Коротко. По заводскому обычаю.
Отгул вростал, и у станка
Вещи размеренный вырос добытчик.

Вот это город и двор заводской —
Он разожжен, как огромные печи,
Весь он походкой авто и подков
Стянут, и тонут от топота речи.

Вот это город — огромный развод
Рот и огней, пешеходов и линий,
Город признал молодое родство,
Вылазку труб в деревенские сини.

Утро окрепло. Он снова подобран,
Вкручен, как гайка, и взят на учет.
Только светает, и снова в работу
Многომилльонный хозяин идет.

Ленинград.

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ИЗБИРАЕМ

Нет времени, которому б родиться
Не захотелось в рокоте машин,
Нет времени, которому бы птицей
Не захотелось петь над пажитями ржи.

Нет рош, которые б не знали,
Что значит утра вздыбленный пожар,
Нет молнии в селянском мае,
Что не повторена в раздвинутых межах.

Нет осени, которая б не окружала
Засадой теплою сердца,
Нет зорь, которые б не зажигались
В очей задумавшихся озерах.

И мира нет, который бы не заслонила
Крылом летуньи-ласточки любовь, —
Ей резать воздуха синеющие жилы,
Ей волн поймать разымчивый прибой.

Но есть пути, которые мы избираем,
Они ведут чрез кряжистый Октябрь,
И вот Россия, как дредноут вздрагивая,
Идет в открытые моря.

Нет времени, которому б остановиться
Велел мифический навин,
Нет имени, которому бы птицей
Не захотелось петь над пажитями нив.

* * *

Мы мучимы припоминаньем
Настойчивого слова — мир,
Где моря думчивая няня
Оденет музыкою дни.

Но что бы он ответил, прошумевши
Загадкой влажною дождя,
Но чтобы он сказал нам в полдень этот,
Свой путь пройдя в родимой синеве?

Ну, как бы он нас встретил в день осенний —
Шумливой кровью в дымном багрене,
Румяным яблоком упавши на дорогу,
Иль паутинкою повиснув на лице...

Все тот же сев, и древний и упорный,
Его мы узнаем во всем,
Мы дышем осени прозрачным полднем
И видим, как бежит мелькающее колесо.

Торопится упасть, взлетит — и, червонея,
Ложится знаменем, простреленным в боях,
И, утро победив, уже уводит тени,
Как пленных в дальние лога.

И есть согласие меж лирою и луком,
И все, что бодрствуя мы видим пред собой —
То смерти дань и переход порукой,
Что, зренье потушив, увидишь свет иной.

И мы в межах той неизбежной встречи —
Что делать с ней? Ее не утаишь —
Она со мной лучом в обыкновенный вечер
Настойчивей, чем память говорит.

А вслушайся в ее скороговорку,
То падает зерно на теплые гряды,
Беседует огонь, земная млади поросль,
Где двух миров войны участниками — мы.

Берлин, 1925

ГОЛОС СТИХА

Ты меня удивляешь, как воздух морской,
Приносимый в пролётах дождей и ветров,
Ты, как пестрый выюрок, залетаешь в окно,
Или входишь ко мне с синевой заодно,

Или падаешь тихо, как снег, но — нежней,
Или инеем ты разузоришь стекло —
Я узнаю твой почерк везде и во всем,
Мы с тобою живем, и летим, и несем

Изумрудный, весенний, шумливый пушок
На вербу, на траву, на дубовый листок,
Ты стучишься, как кровь, в поседелый висок,
Я в вьюгё услышал твой тревожный свисток.

А ты помнишь мое рождество? Как горел,
как сверкал
Тот фабричный дымок за мостом,
И в сверканьи дерев в ботанический сад,
Точно в чашу латинских названий входил
я с тобой...

Набтели мы на перечень темных веков,
И, послушав размеренный шорох воды,
Мы над серыми трубами кружим, как дым,
И октябрьским тебя вызываем гудком.

Это город плывет, и трамвайным кольцом
Обручает метель с персонажем моим,

И в одну из ночей обмакнувши перо,
Сочинитель любой дорисует его.

Я вручаю приметы: то голос стиха,
Или белая ночь над Тучковым мостом,
Или в песню прорыв, и полоска зари,
Или первый, как молодость мира, восторг.

Ты меня поднимаешь, как лето, как зной,
Когда мы вот с тобою опять босиком
Деревенской дорогой бежим, и легко
Золотое навстречь нам летит колесо.

Вот еще: начинается день. Громыкает ведро.
Улетает журавль высоко в облака.
И мы слушаем звон, веселящее „мы“,
И быков на лугу мускулистое „му“ —
Начинается снова украинский день.

Тут крепчает твой голос на стройках весны,
В пустырях вырастает заводов устой,
Он меняет лицо слобожанской страны,
Молодеющей песни пускает росток.

Тебе каждая тропка знакома в гаю,
В разноречьях твоих или гласных ветров —
Распорядок дневной, и ночное баю,
И полудней широких блестящий урок.

Или наша читальня в лесу, и листвы
Говорливый зеленый, живой каталог,
Он рассыпан у ног, и горит над тобой —
Перелистывать мне, или слушать тебе,
Как звенит это а, это и, это о.

Ломоть черного хлеба. Землистая соль.
И тугое рассыпано солнце по нем,

Это говоры кос на лугах запоют,
Расцветет ввечеру своенравный огонь.

И соломенный дым поведет свой рассказ,
И в ночное уйдет за тобой молодец,
Он боднул облаков осоку, и — блестя,
Ты качаешь меня на груди озера.

Петушиное слово, рассвет от тебя —
На поляне мелькает вон красный платок,
Это — ты, это сад начинает игру,
Это — утро в лесу; наливается яблоком день.

Кто же первый учил по складам рассказать
О простом, как крутой поворот крыла,
Или иволги голос, таимый в лесах,
Или песня твоя в золотых далинах? —
Победившая степи сквозная весна!

Ленинград, 1927

ЧЕРВОНЫЙ ЗАПЕВ

Как наезжали прибоем
В лукавые зелены,
Ветер кричал — любое
За музыку Октября.

Разве не вызорен день,
Или не вызвана степь
Буйною лавой видений
Вырыскать черную тень?

Дрежь деревень разрывай!
Кована сталью радань,
Время бежит на конях,
Песня за ним — догоняй!

Вечера красное вече
Вденем в упругое стремя,
Нам и в зоране зари
Сказано взором — гори!

Да, на далекие версты
Да на степные гоны
Выдан нам солнца перстень,
Выезжен верный конь!

1917.

ПОХОДНЫЙ ВЕТЕР

*Велми рано кровавыя зори
свѣтъ повѣдаютъ, чѣрныя тучи
съ моря идутъ, хотятъ при-
крыти четыре солнца, а въ нихъ
трепещутъ синіи маѣніи.*

Слово о Полку.

Чужой весны суровое наследье,
О, синегривый рок, взлетай!
Опять война по осени сковала в третий
Слепое золото щита.

И зорь ли рыжее светанье
Ложится отмелями дней,
Страна кипит железными летами
И чаек величанный свет —

Что Днепр ветрами запорожья
Рожден на берегах весны,
И пламенем чужим встревожен
Родимой радуги близнец.

Зачем молчишь в потоке темной веры?
Мы — время мер.
Вступи скорее в золотое стремя,
Высокий ветр!

МОРСКОЙ РАЗГОВОР

В рейде покоится сто якорей.
В сумерках — синие косы морей.

Встанет дымящийся поутру крейсер,
Весь он забрызган червонною песней,

Весь он умыт и осыпан зарей —
Вот он красуется перед тобой!

Килем кичится серебряным он,
Или играет с танцорами волн:

Вскинет лучами прорезанный вымпел —
Знает команду в сиреновом дыме.

Трубами траур оденет лазури,
Пасмами бури как будто бы курит.

Утро на рейде. И золото рей.
В сумерках — сини дозоры морей.

Звонкий свисток, как сквозь сон у матроса —
Чаек качается белая россыпь.

С хлябями думными буйно обнимется
Наших морей молодая любимица.

Ластицы вьются у черноморца.
Ветер в лицо. И соленое солнце.

С песнею выйдем в открытое море,
В песню оденемся на буревое.

Слышишь сирен штормовую балладу?
С этою гостьей наш крейсер поладит!

Ближе и крепче морской разговор —
Силу у топок калёных утрой.

Пышет, шуровано, жаркое ложе.
В норы ныряет блистательный поршень.

Теплая кровь разлилась по машинам —
Нам не страшны буревые ложбины.

Слышишь, как дышат спокойно моторы?
Видишь, как ход волнорезом проторен?

Этих ветров стоголосую раду
Крейсер, разрезав, винтами затравит.

Жерла прожорливых пушек наставив,
В дыме маневров мы даль расстреляли.

Вечер на рейде — над вахтою рей.
В сумерках — синие письма морей.

Ластицы бьются у черноморца —
Ветер в лицо. И вечернее солнце.

Гамбург, 1925

ПЕТРОГРАД

Ночь — в сновиденных травы
Росой раскинутые розы.
Свинцовых вод твоей Невы
Запечатлен тревожный воздух.

О, в паволоках сна
Пушистых верб
Смертельное похмелье —
Поющих сот
Блуждающая полнота
В ночи настороженной отлетела.

И вдруг, снегами отбелев,
С полей, болотин, черных далей,
Развороживши изумрудный плен,
Развернутые воды встали,

И суета в тяжелых волнах
Качается на сонных баржах.
И ветренный расстрелян полдень,
И облачной испачкан сажей.

Бежит над пьяными торцами
И торопливых лодок ряд,
И всплывших фонарей мерцанья
Зарей испуганной горят.

И, повторяя темный опыт,
Баграми зацепив добро,
Ограбивши окраин топи,
Отходишь медленно к дворцам.

ЛЕНИНГРАД

Ночь. В сновидениях твоих
Дымка раскинутые косы,
Весны — раскованной Невы
Запечатлен нетленный воздух.

И в заморозках сна
Прозрачных верб
Весеннее похмелье —
Чугунных сот
Надвинувшаяся тишина
С рассветом бедным отлетела.

И утра зябкий разговор,
И беспокой в истоме камня.
В окно глядит суровый порт,
Торгов балтийских хитрый правнук.

А за лесами мачт и труб
Фабричных дел высокий мастер —
„Путиловец“ и „Большевик“
Ведут беседу поутру
В дыму рассеянных ненастий.

В проспектах, ротах, площадях
Плывет под ветром день советский,
И та же серая Нева,
И Летний сад в пылу дождя
Протягивает зелень веток.

ВЕЧЕРА БЛИЗ ГОГОЛЯ

Над голубыми станицами вёсен,
Пахот украинских, пасек и сел
Так вот и видишь в вечернем обозе
Порослью звезд опоясанный дол.

Или, сбегая долиной — дымиться,
Паром курить, залетая в лиман,
Так вот и слышишь, как сини граница
Тайно сжимает зарю в пеленах.

Или от зноя в немолчную крутень
Ночи, зачатий влачась на палать,
На чернь июня навалишься грудью,
Руша по тучам зарниц пламена.

Свитку накинув лесов по заречьям,
Ты по квитчаным склонилась ярам,
В травень печалою падаешь песней,
Нерыжном мертвым по осокам.

Яворы в думах стоят над рекою,
В паводь закинувши ветки свои,
Ветер — как в песне — ломает им руки,
И, холодея, над ними летит.

Степью послушай — в затонах былицы
Теплою кобзой гудят в темноте,
Чтобы под утро подвоем сребриться,
Месяц рассыпав, как жемчуг в траве.

Донец, 1916

И ВЫ, ИЗУМИТЫЕ СТЕПИ

И вы, изумитые степи,
Цветаны лукавой волне,
Гудите ржаною медью,
Чужими глазами полей

Встречаясь в тоске златосерпья
Просторами песни моей,
Не ты ль, смуглоликая, чертишь
Узоры суровые дней.

Словно ветра слепые следы
Оставляешь по ряби озер,
Это в молодость солнечный дых,
Это полдня томительный взор.

В каждом выгибе веток — рассказ,
В мудром быте корней — молва,
И коры золотистый загар,
Это нивы работа — твоя.

Это сумрачной тайны побег
В дерева измарагдовой мглой,
Что же говору здесь человек
Перед каменной скажет молвой.

Он теперь в молодеющем дне
Изменяет обличье степей,
Слушай-но, соловьиный век
Торопливо подходит к тебе.

1917—19

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Смотри, как быются два пути
В заслонах темной половины,
И надвигаются почти
Совсем уже густые сине.

О, в этих сжатых буревáх
Медлительная тайна тиши,
Которая еще едва,
Но явственно дождями дышит —

Или, свергая с мутных гряд
Сверкающее величье,
Над голубью идет, смотря,
Как молний молодень ослепнет.

И слышно — ветер в сенах,
Шурша, сбежал коньками кровель,
И — воробьиная в огнях
Объята теменью суровой.

А там, светясь и жалуя
По долу дивинóй,
Метнется озорь шалая,
Блажа сплошной стеной —

И вот уже над избами
Сиятельная сень,
А впереди нависла,
Насупилася стень.

Не ты ли тучелетьями
Осумерек покрыт,
Что ты грозишься, встретившись,
Дождями пасть навзрыд,

Или врываясь лавою
В знакомый сумрак жнив,
Куясь, зарыться пламенем
В повои буйных грив?

САМАЯ ВЕСЕННЯЯ ПИОНЕРСКАЯ

Голубые стрелы мая
Разжужжались по лугам —
Мы, с зарею подымаясь,
Зачинаем вёсен гам.

От окраин и от фабрик,
От Донбасса темных шахт
Собираясь в синий табор,
Мы поем долиной пахот:

Далеко ли, широко ли
Расплескалась синева —
Вон уже с твоих околиц
Солнца поднялась глава.

То-ли теплый гомон в гае,
То-ли певами с утра
Алым сказом первомая
Закружилась игра.

Ну, теперь не отставай,
Май, взлетая, нагоняй —
Золотое колесо
Закатилось высоко!

Этим полднем все поляны,
Все луга и все лога
Синим ветром расцветаны,
В хороводы, облака!

Нашим селам в день веселый
Мая вейная игра,
Эй, кружись живее, солнце,
Нам уж к вечеру пора.

День взвей — дай сень!
Луч поймай - ка на лесё,
То ли в золота косе
Рассмеялася весень.

Над долиною заводов
Встала радуга-дуга,
Завтра дружная работа
Вместе с песнею гудка.

Голубые стрелы мая
Разжужжались по лугам,
Мы теперь, с зарей играя,
Барабаним вёсен гам.

КРЫМСКАЯ ГРОЗА

Остановись, прекрасное мгновенье!
Отроги каменной молвы
Лиловой захлестнулись тенью
В предгрозы смолкнувших долин.

И сумрачные воды встали,
И голубой толпой пошли
Ярить чернеющей стали
Буйноголовые валы.

Смотри: отродье гор не может
Теперь ни двинуться, ни встать,
И только партенитской рощи
Язык темнозеленый глянет —

Какая яркая набойка
Легла на горные луга,
Она то рушится, то молкнет
В прибой взмыленных губах.

Убором горной благодати
Развеянное растеклось
Грозы чернеющее платье
В опаловое стекло.

Ого, как ветер вперережку
Пошел гулять по гребню волн,
Гляди, как в облачную стежку
Забилو солнце первый голл —

И вон уж над Биюк-Ломбатом
Сиреневая залегла
И встать не может, и не падает
Яйлою глухнувшая мгла —

А там ручьям такая гонка,
Захлебываясь пробежать,
И, берег замутивши, сонно
На виноградных лечь межах.

Карасан

* * *

Как на охоте за солнцем
День голубою рыбой
Вон проплывает, играя
По омутам и зыбям.

А и недаром с нами
Полдень кружит и вьюжит,
Он прозвенел стремями,
Этот дозорщик южный.

А над лесами синими
Поднят веселый пламень —
Говор идет журавлиный
Под облаками.

В роще навстречу птицы
Ветку нагнули песен:
— Лели — ляли, — убегая,
Так зовет ручей напиться.

И в зеленой шубе яшень
Отвечает, подымаясь:
— Я веду лесное племя
На полян шумливый праздник.

— Я готов с тобой все время,
Выростая тишиною,
Слушать этот полдень мира,
Раздышавшийся над морем.

— Если ты пойдешь со мною,
Голубых долин мыслитель,
Мы крылатою тропею
Разглядим лицо земли

И вникая в темный шорох,
Человек преображенный
Гонит прочь отсюда морок,
Изменив ее тяжелый

Лад, идет за молодежи,
Он взнуздал реки пороги,
Новым именем гордится,
О работе песню сложит.

Ты запев послушай этот
У Шатуры, Дзорагеса,
Будь ты мне живой свидетель
Лет, взлетающих над песней!

И сквозь сосен медный гуд —
Там и тут
Утру звонкому дана
Суетливая струна.

1916—31

НОЧНОЕ НЕБО

Все живет, сгорая, загораясь,
Падая, и возникая вновь,
И у ветра есть лазурная застава
Занемлять уста, влекомые в любовь.

Будут весны, расширяя вены,
Воздухом в летейской темноте
Закипать, и серебристой пеной
Осыпаться у костра ночей.

Ты и не расскажешь словом этим,
Как живешь в затоне именем другим,
Да, ты нам не скажешь — только ветер
Да глаза ответят ростом молодым.

Ты ли это, или только марев
Осиянная то пустота?—
Будем видеть, как за облак стаей,
Окрыляясь, пролетят года.

В этом стане, стене и отгуле
Ты лети, лучись и бейся на снегу
Мотыльком влетевшая в июле,
Умершая и воскресшая Могуль!

Только струны тронь — они потонут, —
Слышишь, слышишь — слышишь ли и ты,
Как былиной в солнечных затонах
Этот век и полдень налиты.

Он неразлучим, как первый день творенья,
Как напевы сумрачной земли.
Лесси май, что слышится тебе в круженье,
В этой смене изумрудных вёсн и зим?

МАРТ

Точно синевою пар
Поднят был, и назван полднем —
Марта талая тропа
Почерками белых молний.

То ли ветер на юру
Налетит, толкнув прибоем
И, продрогнувши, гряде
Смутным серебром покроет —

Кажется, вот-вот найдешь
Тот смарагд, где ты затерян
Был, когда навис дождем
Серый сумрак от деревни.

И во сне сойдет с лица
Краска теплая полночи,
Выйдешь — даже у крыльца
Двинут марта влажный очерк.

ПЕНСЯ

Ф. Верфель

Проходить день, проходит год, проходит человек.
И прижимаются плотней
Два яблока на мускулах кривых ветвей.
По улице вразвалку ход телег,
Сквозь облако покачивают кони морды,
Кружится по холма покатым бедрам
Народ пирующих ворон.
И войско тайное стрекоз,
Как звон струны, летит через овес.

Тяжелый гул проходит по лесам,
Неузнанный никем бродяга, брат ветрам.

Я заодно охвачен этим чувством,
Что я, осеннего свидетель пира,
Как птица, дерево, как ход телег,
Дыша, не исключен из мира.

Проходит день, и год, и человек.

АПРЕЛЬ

Р. М. Рильке.

И снова душисты леса.
Жаворонки, взлетая, поднимают и самое небо,
Которое было не под силу нашим плечам;
И хотя еще день и виднелся сквозь ветви,
Он казался уже опустевшим, —
Но вот после долгих, дождливых предсумерек
Приходят золотосолнечные
Молодеющие часы,
Дрожа перед ними, на дальних фасадах домов
Хлопают боязливо
Раненые крылья ставней.

И — тишина. Даже дождь падает тише
На спокойно темнеющий отблеск камней,
И все шумы вникают
В блестящие почки побегов.

ЛЕСНОЙ РАЗЪЕЗД

Что синепад?... Осенних отчин
Прозрачный и тревожный дух,
И полосы твои короче
Звнящих дней лазоревый недуг.

Разоблаченье вещей мет —
Таясь и сетуя по праву,
Свой беглый, изумленный свет
Свивает в пожелтевший саван.

И комнаты становятся чужими,
И по осенне-солнечной меже
На музыку похожем дыме
Лесной разъезд — пятном сырых теней.

Как мало времени перед отъездом!
Шуми разгоряченным языком,
Бросай в лицо червоное наследство,
Балладою прощайся за окном...

Она чужой и вовсе позабытой,
Но напряженно помнится одно —
Виденье осени — как музыки обычай,
Как молнии ночной блистательный разлом.

ЛИРИЧЕСКИЙ ВИР

Тебя потеряв в один из осенних,
Задымчивых дней,
Я бросился тотчас к озерам изменниц,
Тебя потянувшим, как страсть к новизне.

Ты снова взойдешь молодеющим солнцем
В прозоры полян и высокой зари —
И армия верб освещается сполохом —
Мы входим волнуясь, в лирический вир.

Или опять в отуманных темнивах
Тебя в перелете тревожном узнать,
И кинуться дымкою в полночи выдох,
Рассыпанный шорохом тростника.

Но это прошло. И на утро, окрепши,
Тебя я часами искал на воде,
Но это лишь зыбь от закинутой верши,
И только узоры твоих одежд.

И вот в облаков оперившейся страсти
Она притаилась высокой строкой,
Я знаю — лазури падумчивый мастер —
Какходишь ты снова в поющую кровь.

1921.

* * *

Весна — как тленье тяжких мет
Пролила сок сладеющей печали,
И потекли по солнечной лесё
Лучи бесед над кипенью причала.

О ветропад! Упасть кустом овсеня
На пасеку встревожившейся дремы,
Что это — хор? иль синевы за вознесенье
Бунтуют паперти набатами черемух?

И день златолитой не мог
Провести черты испепеленной веры
И солнца домовитый стог
Связать лучем в затравок ржавой прели.

1918

РАННИЙ АПРЕЛЬ

От пестрых, веселых основ
Расцветает узор журавлиный,
Разбегаясь тропой лесной
По откосу в закут молчаливый.

И врезается полдень дымком
И звериным теплом подымает
Благодатный весны беспокой
Просыпающей отавы.

И по прочерням этих равнин
Узнаешь, что и ветру забылось
Заглянуть в раздышавшийся клин,
В холодком просквозивший осинник.

РИСУНОК УТРА

И утра червонная утварь
Зарницами скрыта в кусте,
И гудом подернутый хутор,
И тянется лист заблестеть.

И снова, как будто бы смолкнув,
Но только ветрами задень —
Дымка синеватою чолкой
Надвинется светень к воде.

Ведь в этом затишьи нагорья
Златистая спутница дня,
Поднявшись, видений нагонит
На сонную затень плетня

Чтоб снова звездою обмолвясь,
Ей было бы чем и мерцать —
Лучами, что вспыхнувших молний
Скрестятся, стучишься в сердца.

ИЗ ПОХОДНОЙ ТЕТРАДИ

Тебя без имени назвать я мог бы,
Тыходишь — быются листья лип
Ко мне дозором солнечным — и окна,
Как полдень растворив, напоминала быт.

Косое солнце. В серой сетке
Я различаю смутное качанье
У облак, у полей с желтеющей расцветкой.
Ты видишь — степь промчалась на тачанке
(Тогда мы на конях переходили Днепр).

Находила любовь, как ливень,
Гоня за собой медные тучи,
И, нас окружив, говорили ивы —
Мы тоску на-скаку выбьем.

Кружатся листья в падучей,
Степям не уйти от себя,
В этот вечер впервой я подслушал
Жажду жить у коня в удилах.

Тебя без имени назвать я мог бы,
Ты — рейда дым, ты — песенка о том,
Что мы и до сих пор всё помним
Дорогу, поднятую Октябрем.

1920

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЕЧЕРА

Был золотом вечерен
Осыпан этот сад,
В такую тишь по северу
Растеряны леса.

И этот лунный наигрыш,
Озерной глади брат,
Вставал, глядевши с завистью,
Как жемчуга горят.

И дождь весенней поступью
Перепахнул поля,
И вот он режет по степи
Дремлины ковыля.

И посулы глашатая,
Как месяца серьга,
Что сумерками сжатая
Легла в зыбях бугра.

По устью вышиной
Ты бьешься в озерах.
— Постой. Ведь решено
Утихнуть. И мерцать.

И ветер пал. Срываючись,
Напоследях велся
Простор первин, скрывающих
Лесные голоса.

Да сбился в тех обочинах
Очесок тишины,
И виделось воочию,
Как спор земли решить.

Она, целуясь, падала —
И в этом забыти
Размыты синью дали,
И ветром налиты.

А туч летучий полымень,
Чернея, наползал:
Ведь он записан молнией
В ночи слепых глазах!

ЗИМА

Волчья зима. И пологи сугробов.
Заячий ранок — сторожкая зень.
Вышел как будто бы снова с тобою
В заметь родимых полей.

Тянет стихов серебристой пургою,
В трубах гудит, замечает следы,
Видишь, как терпким морозцем подкован
Ветер в загонах крутых.

Вступай окраиной поэмы,
Дохнувши вьюгой — и застыв,
Садов зимы таймый демон,
В заглавий белые листы.

Твой список — снегопись чудес,
Его читают даже птицы,
Куда там! Облака, и те
Напамять знают все страницы.

Читай: как вырастает ветер,
И месяц пленный на ветвях
Скользит на полозах медведиц
И в белую уходит дебрь.

Башлык снегов надвинули леса.
Скрипит мачтовый дол и стынет,
И зажигается в стихах
Лисиц червонобурый иней.

Но как вписать его меж строчек,—
Он должен слышаться едва,
Он на ресницах оторочкой,
Он выпушкой на рукавах.

И кто-то звезды с неба крадет,
Ночья паволокой тьмы,
Очами зги глядят окраин
Заиндевелые черты.

Треща вечернею блестяню,
Как хорошо, когда с зарей,
Откуда ни возьмись, потянет
Встревоженный тобою рой.

Зимовна. Значит стыннут ветки,
И в радужных венцах встают
Сереброперые пометки
В твоём, снегурочка, краю.

Как хорош, когда вгрузая,
Влезает в розвальни ноябрь,
И тенью пробежит борзая
С морозом взапуски в лога.

Как весело тогда, наладив
Лыжнею путь через леса —
Завидеть в голубейшей дали
Зимы стеклянные глаза.

1920

УРАЛ НА ЭКРАНЕ

Границу сна я помню точно
Мелькающей на полотне,
И рама северная ночи
В ландшафте памяти встает.

Тайга! Я узнаю тебя такую
Иссиня - черною дремой,
Ты все шумишь в верхах прибоем
И проявляешь снимок мой.

Шел разговор в лесной семье,
Подслушанный сырым рассветом,
Вдруг начинает все светлеть —
Я раздвигаю купы веток —

За мною вслед метнулся луч,
И лапа голубая пади
Легла покорная у туч,
Расчесанных ветрами за день.

Наплывом медленным зари
Освещены во сне леса,
И — пепельная полоса
Сбегает, молча, за обрыв.

Урал, развертываясь, шел —
И солнце подымалось выше;
Нагорный стан ошеломлен
Разрывом золотистых вспышек.

В расцветке дикой горных гряд —
Нагая летопись земли,
Здесь крупным планом мир заснят
В деталях каменной молвы.

Заслоны лиственниц подняв,
Идут тагильские края,
И скулы каменные скал
Щетиной обросли леска,

И синий след снегов прервав,
Чадит в проталинах трава,
И на висках утеса дремлет
Остановившееся время.

Ленинград

ЧУСОВАЯ

За желтый и густевший луч,
За голубую лапу пади —
Кружа по зарослям морозных туч
Застывшие, чужие глади.

И постав общей белизны
Под шапкой инеев лесных.

И человек идет с кайлом,
Он вынес рудников тепло.

Он жмурится — и белый пар
Вон вылетает изо рта.

Мороза сечь, и по увалам день
Ползет как дым — медлительная поступь —
А тут шалóник, чуть толкнувши сосны,
Остановил свои гряды.

И медных руд пройдя овраг —
Заводов жаркая заря,
А там Туры сдержав размах,
Плывет чугунная весна.

Встает весенний Лей
Тепла лелеемого лепо,
И тает в синей лапе падь —
Короткое быстреющее лето!

1917, Пермь

УРАЛЬСКАЯ ЗАПИСЬ

Бывает баллады признание
Под шелест и шелк дождя —
И круто летят над лесами
Шумливые торжества.

Не снег, не дождь ли то
Кустом вскипает олова —
Тагила слово сложено
Свинцовым блеском полдней!

Ты знаешь в беглой светени
Крыло тех рудных выходов,
И утренник над клетями
Усыпан черной пихтою.

И синим дымом бросится,
Гудком войдет в леса
По своеволю осени
Чугунная гроза.

И день как будто вырастет
И глянет из-за дерева,
Дохнувши смурой сыростью
В бараках по над берегом.

Запутавшись опушкой,
На тень косую зарясь,
Блеснет лисой по лужицам
Рыжеющая заросль —

И встанут под ветром сказаний
Жестокие были грозани,
Как лето сгибало под ивой
Тяжелые руки прилива,

Как осени ёмкая прорезь
Звонящим лучем раскололась,
И бродит высокая область
Средь планов, волнуясь как море.

А солнце Урала, осклабясь,
Горячею тенью упало,
И вот он теперь, этот ветер,
В отряде разведчиков встанет.

Ты бьешься, как бьются рождаясь
Немолчные будни заряны,
Но это — баллада иная
Шумя пролетает над нами.

Здесь слово Большого Урала,
Что выбьется в зареве домен —
Его до поры переплавим,
И — встанет с эпохою вровень.

РОМАНТИКА ДЕТСТВА

*Sein Wachstum ist: der Tief-
besiegte von immer Grösserem zu
sein.*

R. M. Rilke

То ли, как голубь над крышею дома
Красною кружишься веткой весны,
То ли, как солнечный ёж, как истома —
Я узнаю твой уход и следы.

То ли ты поросль раздвинешь, слетая,
И в серебристую входишь реку —
Это младенный полудень витаний,
Дай мне веселую руку твою!

Мы пробежим за густыми садами
В балки — степями расцвеченный вечер —
Где в золотистых ветра годах
Ты меня нянчила по-человечьи.

Я учился в твоих голосах
Утро угадывать, ночи встречать
И узнавать, что поет гроза,
Сполохи тихие сдвинув мечами.

Меня учила ты читать
По тучам стан твоих тревог,
И слушать думчивых светаний
Крылами бьющийся восток.

И ты вела меня по травам
Над изумленной весной
В овраги пестрою ватагой —
Долиной детства странных снов.

И, мчась на солнечной подводе
В таимых далей глубину,
Вторую двигая природу,
Ловили жгучую звезду

И называя первой яви
Значений темных на лету,
Входили в лес твоих видений,
Натягивая тетиву...

Это мы строим с тобою мосты
И мастерим беспокойную лодку,
И в камышевую бьемся густынь,
В джунглей веселый, таинственный воздух.

Мы в ней, волнуясь, открывали
Страну, знакомую во сне,
И каждый день был новой далью,
Огромным островом в тебе.

И ты меня влекла с собою
В шатры зеленые Донца
За песней в изумитый полдень
Шумливым шорохом весла.

И рыбы зорями плескались
Кругами в тишине воды,
И бор высокими песками
Спускался в неводы весны.

И, затаив дыхание —
Видеть во сне — наяву
Первой звезды в задымившейся рани
Трепещущую синеву.

И с нею мне миром и морем казался
Слепительный, утренний блеск на корме,
И падала звезд очарованных заросль,
И горам был отдан приказ говорить —

Они говорили, и говор услышан,
И говор тот узнан, волною взлетев —
Знакомы как будто, но будто бы ниже
Теперь и деревья, и сад, и плетень.

КРУТЫЕ ГОДЫ

Медвежьи закуты да рвы,
Да версты целины, — в овраги
Заглянет солнце, — богатырь
Протягивается над корягой.

Ты синью сумерек несись,
Зови ее, ну, как угодно,
Да вот в глухом лесу лисы
Как в сказке вытянулась морда.

Там вечеров без края тень,
Без края степь и стынъ; и всадник
Лети-скачи да мчи зари
Под шапкой необычный праздник.

Не оступись, конь, в болота.
Тут ночь маячит; наудачу
Крепи стремян тугую дань
Да песню на луке в придачу.

Приходили недели,
И кружили года,
И червоному солнцу
Улыбалась вода.

Отвечала криница
У крутого плетня,
Ей хотелось напиться,
С журавлем улетя.

Ей хотелось, чтоб снова
По излукам и дням
Голубела обновой
Сирота-конопля.

Ей хотелось, чтоб в полночь
Прибегала заря,
Чтоб по первому ж слову
Зажигались моря.

Но веками немела
По равнинам, рвалась
Волновалась и пела
Рабыня - земля.

О, треклятые годы
Да темная клеть,
И чужая работа
Под барскую плетть.

Девка в осень босую
Исходила поля,
То ль во сне, наяву
Заплетала косу,
Пела песню одну —

— Уж ты день ты мой, денечек,
День суровой, невеселой,
Проходи, день, поскорее
Унеси мою тоску.

Но веками стояла
Тучевая погода,
Да над яром-буяном
Выростала свобода.

Вон гляди — над лугами
Округой грозитя

За спиною мужицкой
Летучая искра.

Эй, крутые годы —
Молодая крепь,
Нам с тобой без отдыху
Тем путем идти.

Разыгралось пламя
Или день с востока,
Разгибает плечи
И стучится в окна.

Девка бросилась в окно,
Отвечала заодно:
— С кем же ты стоишь?
— С кем же говоришь?

На пороге молодой
(Говорить ночью привык):
— Разбудить тебя пришел,
Я уж сотни сел прошел,

Слышь, распелся красный петел,
Ходит плясом колокол —
Ветер — ветер — ветер
Около околиц.

А за ними темный
Наклонился вечер,
Люди пугачевы
Гуляют у речки.

Ой, ты, воля — зеленое поле!
Как у старого кабака
Собиралась слобода,
Выходила слобода
Конных гонов топотом —

Знать рыбак рыбака
Видит издалека.

Ехал - ехал молодец,
Конница Нечая,
С ней бежало солнце, --
Мы его встречаем.

Вот уж ближе подошла
За четыре ровно ста,
За четыре, за пятьсот,
За двенадцать городов
— Ай ляй, али-ляли,
Али - ляли
За двенадцать городов.

А река Яик седая
Бьется песней в берегах,
Бьется песней в берегах,
Серой чайкой на путях.

А леса зеленые стоят,
А леса зеленые гудут,
И идут тяжелые года,
И ведут веселые лета.

Ветер, ветер!
Ты один помощник,
Полети от степи,
Ты лети от пожни,
Расскажи деревне,
Да скажи ты роще,
Нашей буйной роще,
Да как можно проще,
Что выходит солнце,
Воли солнце золотко,
И крепчает голос,

Ветви стары рвутся,
Ропотом наполнясь.

И ни свет —
ни заря,
А от края
до края,
Медленно
разгораясь,
Начинает гудеть
земля.

ОКТЯБРЬ НА НЕВЕ

Поэма

Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед.

В. И. Ленин.

(июль, 1917)

1

Еще не опала пена событий
И не остыли Июльские дни,
А ветер Октябрь громоздил от Кронштадта,
Зыбясь и сзывая на приступ волны.

Еще не ухали гулко пушки
Петропавловских верков,
А Зимний и площадь,
И Марсово поле
Склоняет осенняя дымь,
И темной эпохи Растрелли
И Росси,
У черных сенатов,
В Мариинских ложах
Проходят последние дни...
Но в сердце железном
Рабочих полков и дружин
С окраин сторожких,
Вокзалов,

Обводных каналов,
Цехов и застав —
Осыпан червонной метелью
Литейный, Крестовский,
Гутуевский и Биржевой —
Дорога, что день без названья,
Дозорами освещена,
И норда гремучая рада,
Как время, гудела в ушах...

2

В памяти остановись, день!
Нет, не останавливается кровь в венах,
И молния — наш рулевой —
Вот город заводов охвачен тревогой,
Гудком забастовок и старых обид, —
И вот он выходит прямою дорогой
В октябрьское поле
Открытой борьбы.

И день зоревою повесткою вызван
На приступ восстания,
В стальные ряды —

Рей,

в синеве

виденьем!

Будь музыкою грозы!

3

Запомнилось небо — осенним полем.
Ржаные, горячие речи
За власть большевистских Советов.
И солнце не спало всю полночь
Над флотом, заводом и войском,
И светлым пятном отражалось в каналах,
И день упирался Тучковым Буяном
В серую грудь Невы.

Рассвет выросал сторожевыми кострами,
И ложился, тяжелый и хмурый,
На глыбы растерянных туч;
А когда приходили сумерки,
Они митингом нависали над городом,
И голоса, как никогда,
Были резки и четки,
Ветер, как никогда, терпкий,
Ворвавшись через заставы
На набережные мраморных, мертвых дворцов,
В затоны Канавок,
И Миллионных, —
Оттеснив батальоны казачьи за Гатчину,
Развертывал полотна лозунгов,
Простых и понятных,
Застрельщиком пробегая
От Нарвской на Выборгскую,
Говорил нужнейшие вещи,
Отрядом матросов и красногвардейцев
Брал перевес над мостами,
И упорною лавой,
По сигнальному знаку „Авроры“,
Выставив жерла на площадь,
Шел в осеннюю полночь
На Зимний
(Ходили спокойно трамваи...)
И, в Смольный,
Сквозь бессонные стекла
Комнат и коридоров
Деловито входило
Северное, зябкое утро.
И Октябрю, и его окрестностям
Военно-Революционным Комитетом
Дан был последний пароль —

Сerp
Отзвy:
Северная зapa.

И зовы были сведены
В единый шаг весны,
О синева виденья,
И явь твоих новин.

4

Итак был конец октября.
Стужей захлеснутые,
Кратко перекликались пригороды,
И, сжатый тревогой, как улей,
Гудел Васильевский Остров.

И было будто за полночь,
В заплачке волн — теней
Он шел, дымил, маяча
Тревогой пристаней.

Как песнь чеканится рекой,
Как песней покоряют горы —
Так ветром свежести морской
Был выбит этот красный вторник.

Он был внимательно задуман
Сторожким летом сгоряча
По крейсерам твоим трехрубным
В веселой раде моречан.

На имя новое скликались
В литейную метель, когда
У Николаевского встали
Сереброгрудые суда.

Аврорин сероватый корпус,
И миноносок верткая семья, —
Под дождь осенний город сверстан,
И дан торцам балтийский ямб.

Вам от немолчных райн — смятенье,
А нам — высокая стезя

Гореть, врезаясь шалым гребнем.
Зари в лохматые леса.

Мы осень запалили рдяною,
И — утро. И горят моря
От края в край твоей грозанью,
И ждут с тобою рассветать.

5

Вот всё еще
И до сих пор
Стоит дымок
От тех костров,
От тех постоев,
Ты, архивариус, постой
Его, живого, заносить в историю —

Он бродит бодрым заревом
Над полночью Европы, —
Над безработных армией
Встает растущим ропотом.

Он молод этой осенью,
Он — нам ровесник
Лет пестро прожитых
За стройкою и песней!

Петроград, 1917.
Ленинград, 1929.

Логотип, который мы видим
Здесь в качестве знака

Многие считают, что
М-1930 - это
Орден, а не знак
М-1930 - это знак

Вот так
М-1930 - это
Орден, а не знак

Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак

Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак

Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак

Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак

Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак
Орден, а не знак

Орден, а не знак
Орден, а не знак

ЛЕНИНГРАД

Пятибоян дым, Солнечный ветерок,
Восни, Ленинград, ты у нас не убого,
В тебе — великий дым,
Ты — великий дым, ты — великий дым.

МОЛОДОСТЬ МИРА

Пятибоян дым, Солнечный ветерок,
Восни, Ленинград, ты у нас не убого,
В тебе — великий дым,
Ты — великий дым, ты — великий дым.

Кругом дымит буди * дым дым,
Расцвет, Ленинград — в великом дыме,
Ты здесь не только дым, ты — дым,
Ты — дым, ты — дым, ты — дым.

За Октябрьский дым — великий дым,
Пятибоян дым, ты у нас не убого,
В тебе — великий дым,
Ты — великий дым, ты — великий дым.

И дымит дым, ты у нас не убого,
Что дым, ты — дым, ты — дым,
И дым, ты — дым, ты — дым,
И дым, ты — дым, ты — дым.

И дым, ты — дым, ты — дым,
С тобой, Ленинград, ты у нас не убого,
И дым, ты — дым, ты — дым,
И дым, ты — дым, ты — дым.

МОЛОДОСТЬ ЖИЗНИ

ЛЕНИНГРАД

Балтийский дым, балтийский ветерок.
Весне неможется, весне уже не спится.
В тени — нестаявший ледок,
Тревожные прохожих лица.

Дворов и коридоров гром
Разыгрывается в подворотнях,
Платформ просторный разговор,
И очерк сапога (на вывеске)
Имеет вид самостоятельный и гордый.

Кругом плавает бульварный чад,
Расцвет весны — в подсохнувших скамейках.
Ты здесь на севере идешь не в лад,
Твой голос ладожский хрипит на Невках.

За Охтенским мостом — наплывы льдин,
Покрытых сероватой пеной,
И, Шкиперский пролив разгромоздив,
Выходят катера размеренно на смену

И выдыхают ранним утром чернь,
Что цвета свежесиснутых полос.
И дождь прошел, он первый, а затем —
Медлительных каналов маслянистый лоск.

И воздух мокрой шерстью пахнет,
Сырым канатом, снегом талым,
И солнце прячется в бушлат, на вахте,
И отдежурив час — другой, скользит у палуб.

Или вот так: повиснет алым шаром,
Чуть выпуклым и чуть усталым,
Покрытое белесоватым паром
Над зданьями Раздольной дамбы.

От зимней сырости еще не отдышались переулки,
Дворы, как угольные ямы кораблей,
Вот Ленинград — где с Достоевских улиц
Ушел Раскольников, раскрыта настежь дверь...

Над отмелями черных крыш
Стоит апрель. Он в речь невымытых окон
Вставляет реплики лучей скупых, и брызжет
Капель, зимы разворошив окопы.

А Сад Трудящихся наполнен зябким ветром,
И в музыке твоих просторных площадей,
Деревьев голых призрачно заметен
Веселой жизни думчивый разбег.

Еще стоят китообразные баржи,
Чернея вздувшимися ребрами в каналах,
Их скоро выведут в речную жизнь,
И взявши на буксир, доставят их,
Еще немного сонных на канатах.

Они пойдут, скрипя и не качаясь по Фонтанке,
К порту, где первый караван пришел судов,
Тут начинается живая перебранка
Команд, сирен, причалов и гудков.

Здесь штабеля стоят, дыша сосной Карелы,
И лес от паровозных труб выбрасывает дымы,
(Я ими начал стих, — они теперь куда как смелы,
Вот, например, у „Пестеля“ они совсем седые.)

Тебя я узнаю в рассветном часе,
В переговоре фабрик и порта,

В районе Выборгской, где утреннюю надсырь
Свистки прорезали, согрели фрезера.

Где день — он точно вычерчен на кальке,
Расчеты сделаны, он выверен и взят
В оправу планов новой Балтики,
Рожденной заново в Октябрь.

Ты крыльями моста Свободы поднят,
И до сих пор той осени кострами освещен,
Ты вырос как! смотри, вот — он мой город
Ведет годам свой большевистский счет.

За корпусами красными „Электросилы“,
В Московское шоссе ватагою домов войдя,
Ты вырастаешь молодым массивом,
И топи пустырей ты одеваешь в диабаз.

За Угольною гаванью на рейде
Пестро и строго стали корабли,
Морями дальними, чуть отдыхая, бредят
Их мужественные борты.

На берегу, по рельсам ходят автовозы,
Лебедки возятся, спуская грузы в трюм —
Здесь все — гексаметра размер, медлительная проза
Пакгаузов — просторный, деловитый шум.

Пушнины тут распухнувшие кипы
На спинах потных носят чрез мостки,
Погрузочный расчет идет без хрипа,
Внизу поблескивают росчерки реки.

Здесь даже поздней ночью слышен ритм отгрузки
Станков, и согнут черный локоть крана;
Под утро свет в права вступает тусклым,
Но склады открываются обычно рано —

Порт начинает глубоко дышать.

МОРСКАЯ

За кормой линкоров
В синем чаду,
По черному морю
Сторожа идут.

Идут — как будто
Тишина кругом.
Разведчики кутают
Денёк дымком.

Овчину седую
Одел „Шаумян“,
По-осеннему буйно
Воды шумят.

Тенью прикинется
Дымовая мгла,
Верток эсминца —
Не видать следа.

Узкую дорожку
Вспенит на пути,
Боевой тревогою
Выверены дни.

Хмурятся башни,
Дремля по бокам —
Чугунный кашель
Затих пока.

Черною нефтью
Поднят Баку —
Рабочий руку
Протягивает моряку.

Сотнями вышек
Вздыблен городок,
Железом вышит
Военный док.

Солнце обмолвится —
К работе гудок,
Конь-мореходец
В сбруе стальной.

Вышел он вровень
Брату морей,
Помнит Аврорин
Суровый день.

Белоголовая
Надвинется волна, —
Кильватерной колонною
Разрежем пополам.

Полночь на мачтах.
Огней игра.
Щупают дали
Прожектора.

А дальше — будто
Туман редет,
Эсминец под утро
Уходит в разведку.

В разбегах синих
Шумует море,
Гуляет осень
На гриве черной.

Солнце за подзором
В желтом чаду,
По черному морю
Сторожа идут.

Севастополь —

Тарханкут

ПАРТИЗАНСКАЯ — УРАЛЬСКАЯ

Логам ночным — дозоры,
Коням — степная поступь,
Светясь грозой лукавой,
Встают четыре солнца.

А было то под Троицком,
В увалах Зауралья,
В ответ на белых происки —
Судьбу, отвоевали.

Идет отряд Каширина —
Встает в горах заря,
И в этот день решительный
На конях слесаря.

Литейщики Миньяра
Меняют ремесло,
И вот над Черным яром
Затих веселый горн.

За песней на рассвете
В разведку плыл Тобол,
Звени червоно, цветка,
Веди рабочий полк.

И коноводам нашим,
Уральским токарям
Становится на стражу
Горячая заря.

Мы с нею ночевали
У темных переправ,
Мы с нею по увалам
Прошли, подняв Урал.

И время то обточено
На супорте боев,
Звени приладкой точною
В походе том!

Ты плавься, песня, в пламенных
Печах войны,
Ты с нами бейся знаменем
В годах седых!

ГУДКИ В СТЕКЛЯННОМ ГОРОДКЕ

Прокликал ли гудок иль дождь осенний
Над августа набухшей полнотой,
А ты гремишь и выбиваешь песню,
Литого полдня золотой итог.

Вот пригород. Один из тех,
Что взят в оправу
Ненастий невыхских, стуж, задач —
Московско-Нарвская застава!
Греми сталелитейный чад.

Ты весь, как тревожное солнце,
Затянутое в облака,
В фабричных, обугленных рощах,
В расчетливых, думных годах.

Путиловец — или лазутчик
В будущее. Читатель!
Ты проследи за тучей
Дней молодых начало.

Он за наивные степи
Прошел по военным годам, —
Суровое солнце двадцатых,
Охота за счастьем в полях!

Где штаб Заднепровской дивизии,
Где пахнет эпосом твой лошадиный пот?

И степи дышали грозою у Лисок,
И время звенело в ушах.

Где этот теплушечный эпос,
Гостящий в неведомой песне,
Еще не записанной нами,
Грустящей в какой-нибудь вечер
В одной из глухих деревень?
И этот романтики слепок,
Остыв, растает с грозою, —
Тут с ветром советские будни
Иные напевы ведут.

И конь мой любимый уходит в ночное,
И в кузнице чинят блестящий лемех,
И кони в осенние клинья
В полдень, по годам передышки
Влекутся в селянский, медлительный рай.

И дальше — окраин фабричных
Подобранный ветром дымок;
Рассвет обозначен, — он пышет
В разводах зари и гудка,
И слышится первый, глухой и охрипший,
Ему подпевают издалека
И — утро раскутано гудом обычным,
Как мастером песни любая строка.

В червонных эмалях осенние мальвы,
И глянец наивный на бурых скирдах.
Октябрь, он господствует в нашем хозяйстве,
Он запись шершавой рукою ведет.

Ленинград, 27

ЧЕРНОВИКИ СТИХА

Читай земли зеленые былицы,
Войди и в наш суровый русский рай,
Где и на солнечных страницах
У замыслов высоких горьковатый вкус.

В вожатые возьмем с собою песню.
Вергилий устарел, Вергилий Данта вел, —
Нам нужен новый лад, двадцатых лет ровесник,
Или зимы веселое, фабричное тепло —

Когда над черными стволами труб — высокий снег,
Дымок, бензинный запах, города рулада
И солнце наконец, как уравниенье тех
Хозяйственных программ и замыслов Госплана.

Предмет у песни прост, как запах льна
Или зерна, гостящего в приемном пункте;
Черновики стиха: поля, упрямая весна,
Исчерченная бороздами будней.

Мы входим в круг сельских забот.
Где раньше степь и гоголевский полдень —
Теперь машиной севооборот
Под песню поднят и исполнен.

Тут свой размер, свое лицо,
Куда острее песни старой —
Смотри — струнами над селом
Разбег веселый Днипрельстана.

Вступаем в круг другой, глухой.
Казалось, песня б здесь и не гостила вовсе,
Но вот сквозь потное тепло я слышу звук
Строфою вагонеток в штреках осени.

С звездой на поясе проходим дальше мы —
Тут день республиканский начат,
Тут залежался корм машин — и мир
Грозы и поездов убранства.

Но все еще ремесленная полночь
В глухих углах ютится и коптит,
Да все еще в просторах беспризорных молча
Ведется рай нетронутой земли.

Средь кажущейся тишины, на стройках
Все движется, не остывая, кровь,
И новый век на перевале стонет
Поднять с трудом задуманный урок.

Читай, дивясь, страницы современья,
Пойми, как труден пафос наших дней,
Еще, еще забой — бикфордов шнур подведен,
И — утро дышет свежестью в лицо!

Ленинград, 28

БОРИСОВСКАЯ ОСЕНЬ

Отрывок

Набросок первый осени: — в „Лесу
На Ворскле“ среди лип заметное желтенье,
Но весь массив еще зеленую грозу
Сберег, и в Волчий яр густой сбегает тенью.

Среди сообщества старейшин молодняк
Спускается к лугам веселой полосой,
И загорелая толпа бродяг,
Разведчики одетых в бронзу сосен —

И осени строка легла легко,
И пятистопный ямб сопутствует дыханью
Пробегов думчивых за Дубино,
Где мой сентябрь блаженствует с логами.

Тут Ворскла круто огибает гору,
У слободы у ней совсем коровий брод,
А дальше по лугам таясь, сквозь поросль
Она — тускнеющее серебро.

Или, когда разморосит, и станет
К тому же меркнуть западная полоса,
И хлопает подслеповатый ставень,
И мрак плеснет водою темною в глаза,

Он постепенно набирает силу,
И черный клавиш пробует сперва
Ударить в седину песков, и с тылу
Включить аккорды темноты в овраг.

И он озвучен шорохами крыльев
Мышей летучих шелковым полетом,
Войной сосновых и тенистых станов,
И серый пар динамику усилит
Сторожевых и хоркающих звуков —
И — тишина вдруг подступает к уху...

Но кто тут дирижер — когда весло спокойно,
Задев осоку, сонное легло,
И день большой, усталый пал на копны,
Хрустя соломой молодой.

А ты идешь со мной по огородам,
И набредя на свет, или собачий лай,
Включаешься в тепло второй природы,
Трудом героев строящийся рай.

Итти бы нам еще с версту иль больше,
По лужам хлюпая, сдвигая темноту,
Но мост бетонные протягивает руки,
Тебе на помощь приходя и тут —

Он кстати нам для перехода нужен
К другой строфе, а то бы ты со мной
Бродил еще осенним лесом в стужу,
Ворча на непогоду да на меня порой.

А мне не хочется по правде слушать
Твоих упреков хриплый голос —
Войдем скорее в область прозы,
И мы с охотой вспоминаем ужин,
Как в миске плавает янтарный
Жирок, а хлеба влажный ломоть
Дымится под ножом, и в теплоте усталой
Вдруг падает дорожная истома...

Как пахнет в хате кожей, дымком и глиной
От мокрых курток и сапог —

И сумерки входили в полог рощи,
И вот явился перевозчик тощий
Хароном мрачным в слободу теней.

Въезжаем на гору по валким колеям.
Дорога глиниста и цвета темных мумий,
А зелень волнами гуляет по лугам,
И ивы чешут волос над речною думой.

Среди приземистых (все окна позакрыты
И ставни наглухо и даже в душный день)
Домишек чопорно беленых, синьки
Узорами подведенных кой-где.

Нам явственно видны поля совхоза,
Где трактора бодрят, озимый подымая пар,
И говорят отныне деловитой прозой —
Сегодня вспахано вот столько-то гектар.

Торжественен и прост подъем кривой посевов
Озимых, свеклы, рост молочных стад,
И молодость земли здесь по баракам веет,
Тут новый тип людей я увидал.

Напротив нас, в кирпичном двухэтажном здании
Свой доживают век кустарные цеха —
Мелькают драгвы, песню с ними тянут,
Внизу свой вертит круг внимательный гончар.

Здесь затхлостью и холодком пещеры тянет,
Но миг чудесный настает, когда
Рукою мастера из глины вырастает
Веселый профиль кувшина!

А на верху, на длинных, узких полках
Куруется бурых мисок ряд —
Чуть отдохнув, подсохнув, а затем их ловко
Несут на досках в переклик огня.

И звонок, пестр наряд их древний
Розоволицых крынок и горшков,
Они, поливой улыбаясь, дремлют,
Качаясь на возах среди мешков...

Дубравы разговор по взгорбьям заповедным
Едва ль услышишь ты — осенний день в лесу
Звенит покрытой купоросом медью,
Раскинувши крыла кварталов на лету.

Тут есть места, которые напоминают
Немного оперный, декоративный лес,
И воздух здесь такой, когда неспешно раздвигают
(Влетает холодок) темнозеленый занавес.

Для уха чуткого тут явно слышны —
Шмелиная, протяжная виолончель,
Сопилки квакш, значительно повыше,
И четверти тонов лирических ночей

.....

5 Сент. 31, ЦЧО.

ПРИМЕЧАНИЯ К УКРАИНСКОЙ СТЕПИ

Бывает запева началом
Высокая область степей,
И время тогда отвечает
Наречьями домр и стеблей.

Послушаем — послушаем,
Что говорит под утро
В весенних снах набухшая,
Проснувшаяся степь.

Ты с ней знакомец давний,
И помнишь даже день,
И даже час — на плавнях
Донца слепую тень.

Чуть свет — выходит облако
Враспашку, в зябкий брод,
И птичь гортанным окликом
Зовет степной народ,

Не этот ли, что походя
Причесывал и гнал
В работу лавой, с цокотом
В земные невода?

И чуть остановилось —
Вдруг мелодичным голосом
Пошло гудеть над тырсою,
Сверкать в звенящих полосах.

Не снег, не серебро ли то
В пословицах полыни?
Не синью ль важной пролита
На этот мир теплень?

Должно быть помнишь солнечный
Разбег, разлог — когда,
Скрестившись в зыбкой полночи,
Встает в слезах трава.

Она не может, молча;
Застыв от удивленья,
Глядят, привставши, полчища
Зеленых пустырей.

Еще когда спросонья
По серебру холодному
Легла чеканка золота,
А утро тут как тут —

Тогда я начинаю
С тобой вести беседу
В лучах — над молочаем
И будто невзначай.

В свидетельницы этих
Величественных дел
Мы купы умных веток
Возьмем — и на заре,

Мурлыча мне под ухом,
Пригорок начинает
Налаживать струну,
И стрекозиный тукот
Ответом отовсюду —

Высокую науку
Степной послушать полдень,
Услышать свой же голос
Тогда легко пройду.

Тобою не однажды
Мы конницей прошли
По изумрудным пашням
В дивизии весны.

Записываю песню
В одну из тех ночей,
Когда в заставах невских
Мне голос твой слышней.

Р. С.

И свёрстаны гранки,
Мои примечанья к степям:
Тут Тракторный требует правки,
Как я корректуры к стихам.

Здесь бродит наша молодость
По нивам и стихам,
В бригадах дружным всполохом
Над селами — весна.

Ленинград, 29.

УКРАИНСКАЯ ЯРМАРКА

Еще не потревожен пар,
Он по затонам тянется подняться,
И, музыкой баюкаемый арб,
Обоз во сне подсчитывает гарницы.

Еще не выступил в просветах дым.
А цвет стальной уже подмечен
Среди мешков, чувалов и клетей,
Под утра хрип и звон уздечек.

Рассвет сменяет чернь дерев,
Похожих на разъезд махновцев,
И стан у яворов раздев —
Таков подход к степным колодцам.

Таков бывает вид к утру,
Когда формуют мирозданье,
Когда средь тишины, не вдруг,
Идут тлпы вещей к восстанью.

Тогда показана земля
В седых подусниках мороза,
В ухабах, далях, колеях,
В резных дерев остывшем воздухе.

Тут пестрота берет начало,
Тут подступ к слободам, и вот,
Выплескивая серебро, — подчалом
Связав, умолкнуло ведро.

Тут синкопы ночных маневров,
Которых тщетно ловит ухо,
Тут еле слышимый... но говор,
Идет настройка, проба звуков.

Уже как будто бы выходят
С сиротских крыш, зарозовея,
Светанья явные ободья
И спиц мелькающая тень.

И кони, взявшись веселее,
Проходят сонное селенье...

И, подтянув ариергард,
Как будто важничая, чинно
Увалами ползет товар,
Скупясь, приглядываясь с тыла.

Перед селом в базарный день
Осенний лес оглобель вырос,
И по горóжам за плетень
В луга, клубясь, уходит сырость.

Ночной проветрив перегар,
Уравновесив дня сиянье,
То золотые берега,
Пропавав, околицами встанут.

Сгрудив подводы по рядам
(Порядок дан самим товаром),
Вот тут — гончарный рай, а там
Столярный цех сгружает рамы.

Вдали протянута рука,
Как знак сжимается другая,
В затонах серых ЦРК
От сна помятые прилавки.

Давно засыпан корм коням;
Жуют, припоминая полночь;
Литая, желтая струя
Сбегает, вспенившись и солнясь.

Переступая через лужи,
Дыша навозною землей,
Вот так средь завитков и стружек
Опошни пестрая глазурь.

Кромешный, медлительный деготь,
Похожий на черное солнце труда,
Железный, запальчивый грохот,
Кузнечный гомеровский дар.

У кип тугого полотна
Еще речной не отдан запах,
Раскинутые лотки
Кустарным вымыслом богаты.

Как устоять перед соблазном?
Не знаю, может, в силах ты,
Но здесь таких узоров праздник —
Мануфактурные ряды.

Раздумавши и осторожно
Прицениваясь и сравнив —
Тогда дается знак... и ножницы,
Хрипя, разрезавают синь.

А над чувалами зерна,
Чуть наклонившись в раздумьи,
Два черноусых знатока
Ведут оценку сельским будням.

Над песней темных гусяров
Прошелся зык, гремя и тая,
И граммофонов хрип, и топот
Коней под щелканье кнута.

Волы лежат в воротниках,
Всё пыльный полдень медлит деревнями,
И конопли зеленоватый дым
Смешался с солнечным угаром.

Ворохи прядива, палатки,
лари, песни слепых бандуристов
по краям деревенского ипподрома,
тыквенные головы
среди золотистых копий соломы,
визгливые голоса скрипок из сельбуда,
и — желтое колесо —
над падающим лесом оглобель
всё малу-по-малу
прячется в мохнатый полушубок
пыльного воздуха.

1929.

МОЛДАВАНСКАЯ ПЕСНЯ

От Кришан до Галаца
Плачут дойны,
Ты в снегах затерялась
Садов вишневых.

По пшеничному полю
Ветер гуляет,
Голову долу клонит
Хлебороб-молдаванин.

Собирается черная свора
Генералов —
И земля покрывается кровью
В Татр-бунарах.

Усумнились крестьяне
В доброте Браштиану,
Разогнал он крестьянскую раду,
Под пулями пали:
Пацнырь, Рудев и Катрос.

Над Днестром плачут дойны
О погибшем Тодосе,
Отцветают черешни,
Выгорает осень.

Разве ты не расскажешь
Вот этою песней,
Что гремит по тюрьмам железо,
Выбивая из звеньев повесть.

Даже если ты падаешь,
Но ведь
Загорится от искр ее пламя —
Вижу — вижу червонную óвидь
За твоими садами.

Эта песня с тобою,
Как было,
Голубая, в извѣстковой пыли,
Она встала за темной рекою,
Она машет тебе рукою.

И ты вслушайся:
Села, посадки
Трудовой виноградной лозой
Оплели домовитую раду
По просторам проснувшихся зорь.

От Кришан до Галаца
Плачут дойны,
Ты в снегах затерялась
Садов вишневых.

ЕВПАТОРИЙСКИЕ СТИХИ

1

Обрывок степи. Солончак.
Слюда остывшего лимана.
Раскинут черный флаг Майнак —
Дымок зюйд-вестами протянут.

Нога вгружается в песок.
Он серо-пепельный на синем;
В тени веселых облаков
Бесшумный час осенне двинут

И вон какая тишина!
Ее заслушаюсь, зажмурясь —
Следы звонцов ночных отар,
Трамвай игрушечною бурей.

Над желтым взгорбьем черный жук
Летит, оставив облак пыли.
И тишина. В твою между
Вношу поправку — здесь мы жили,

Мы здесь нашли в одно из утр
В траве, распевшейся как ода,
Мир по-вечернему пустой,
Перо убитого удода.

Пока ведешь морской дневник,
Крутя махорочную ножку,
Простой евпаторийский стих
Мелькнет серебрянсьи рыбешкой

И, в борт чернилами плеснув,
Отполированный волною,
Он оставляет полосу
Шуметь эпической строкою.

А дальше уходя за ним,
По ритму крейсеров в просторы,
Чуть седоватый взвевя дым,
Дружит со мною на маневрах.

А там и корабли степей
Ползут по чертежу суглинка
Колонной стройною, — в напев
Бензинною вцветившись дымкой.

Майнаки, сент. 1929

ТО-РЕ-ТА

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

И на загаре обнаженной охры
Соль выступила легкой белизной —
Волна взбежит — и оставляет мокрым
Ракушечный песок, поющий под ногой.

Уже легли на степи незаметно
Морских туманов выпоты ночные,
А тут, по лукоморью, светлой меди
С прокатных станов — первые листы.

И седина морского беспокойства
Отходит в даль, набросив зыбкий след,
И солнце, бронзовый подросток,
Играет брызгой на весле.

И утро, вспыхнувши голубоватым газом,
Вдруг отгорит — и, вновь начав игру,
Зрачек расширит, и наклонит парус
В залива зорчатую синеву.

И горизонт натянутый полощет
И против ветра став, пойдет навстречу нам,
Оставив чуть приметный росчерк —
Растаять — взвиться — и начать
Прозрачный день —

И тишину у санаторных зданий
Прорежет первым пионерский лагерь
Трубы веселым то-ре-та,
И легконогою ватагой
Раздвинута

морская синева!

„Чайка“, 32

ВОЕННАЯ ШКОЛА ПИЛОТОВ

Еще темно, а на южном небе — стальная,
упругая синева.

Час перед рассветом.

А уже из ангаров выводят военные самолеты —

Покачиваясь на своих шасси,

Они медленно начинают расталкивать утреннюю,
напряженную тишину,

И, когда на заводах еще не поданы знаки
к утренней смене,

Ударная школа пилотов

начинает свой лётный день.

Выстраиваясь в ряд,

в звено,

в отряд,

будущие пилоты ждут
приказа к отлету.

Одетые в синие комбинезоны, они спокойно

садутся в кабины,

Поправляют шлемы, спускают квадратные стекла
очков.

Механики пробуют моторы, деловито осматривают
воздушный винт,

Серые троссы, элероны,

верхние и нижние крылья,—

Уверенные, застывшие и жесткие, одетые в
военный цвет,

Заливают в цилиндры бензин.

Перед отлетом четко идет проверка управления
и приборов.

Проба мотора на месте, короткий ответ— „готово“,

„Контакт!“ —

„Есть контакт!“ — отвечает пилот;

дальше —

Торжественная и такая обычная минута, когда

Двое механиков берутся за лопасть винта, —

Он забирает сразу, ветер взывает в наплывы

„аго-уу“ —

Надо: прибавить „газу“, вслушаться в работу аорт

мотора — и,

Внимательно проверив его по приборам —

быстро

отрулить

на старт.

Короткий разбег по земле — и

почти незаметно взмывают

по кривой вверх.

Стройно вылетает, покачиваясь в свежающем

воздухе,

Отряд курсантов на учебный аэродром.

Начинает светать. И тает последняя

серо-прозрачная кромка луны.

Выжженное июльским солнцем огромное, ровное

поле.

База: здесь осторожно и бережно наливают

в бидоны бензин.

С легкой одышкой, призванный к делу, работает

насос.

Крытая розовой черепицей сторожка

из ракушечного известняка, в стороне —

Черный поднят перед началом учебных полетов куб.

Легкий западный ветер.

Запахи: травы, еле приметные — моря,

и доминирующие — горячего и касторки.

Буквою Т раскинуты по земле, где ведет работу

звено —

Серые брезентовые полотна, знак для посадки.

Рядом — стартер с белым и красным флажками.

Вслушивается и смотрит.

Юный инструктор дает задание курсанту —
подняться в зону.
Высота — 1200.
Дать разворот, и
Сделать срывы в „штопор“.

Сын токаря, маленький Рыбкин повторяет
спокойно задачу.

Он только что принял вызов товарища Глебова
На лучшую технику, глубокий вираж, добавив —
„на лучший расчет и посадку“.

Машина рулит, белый мелькает флажок стартера,
— и

У-1 медленно подымает хвост; нарастает
подъемная сила крыльев,

Курсант набирает высоту.

Под голубыми шатрами настойчивая разворачивается
учеба.

Иногда в кабину садятся двое, курсант и инструктор —
выправить недочеты в полете,

Сделать уверенней ритмы, расставить зиянья
и выверить взлетную строчку.

К уху приложена трубка, чтоб слушать.

В воздухе двое слиты единою волей, и аппарат
послушливо выполняет приказ.

Те, кто внизу, внимательно наблюдают, заслонивши
глаз рукою от солнца.

Читают „Пилот“ и „Звезду“. Следят за доскою
соревнованья.

Беседуют и чуть отдыхают.

Второе звено соревнуется с первым.

Здесь готовят третий безаварийный выпуск,

И лёгное утро гудит над аэродромом.

Еще — в воздухе вырабатывается новое чувство
земли.

На помощь приходят зрение и обостренный слух,
как у доктора,

Подмечающего хрипы и шумы, самообладанье
и мышцы,

Альтиметр, счетчик оборотов мотора, и — воля
Крепить отряды летающих большевиков.

Вместе с инструктором следим за вертикальным
виражем,

Когда маленький У круто поворачивает крыла,
И стремительно падает в синеву...

Выйдя из зоны, пилот планирует против ветра,
Выравнивает и, поставив на малый газ, „выбирает
на себя“,

Опускается нос самолета — оперенье хвоста
подымается выше,

И машина, притихнув, как бы удивляясь —
бережливо и нежно

В разбеге коснулась желтеющих трав и земли.
Механики, как няньки, бегут навстречу, хватают
за крылья

Наглотавшегося высоты летуна...

Отдыхает мотор; и проходит спокойно разбор
полета.

Улыбается сдержанно сероглазый Рыбкин.

Другие выходят на смену... Все выше подымается
добела раскаленный обод.

10.30. Окончена первая часть лётного дня, и
первый набросок аэропоэмы.

Лагсбор 51 Перекопской дивизии,
1931.

ДОНБАСС

1. ПЕСНЯ АНТРАЦИТА

По склонам сломанных пластов
Легли породы кровлей серой —
Здесь уголь „струями“ идет
В грядках Донецкого Бассейна.

Здесь в книгу времени они
Вошли, как сбросы и как складки,
Тревожных залеганий след —
Породы горные и спады.

В зеленых балках у степей
Наклон слоев волнообразных —
Там в „гривках“ каменных видней
Земных морщин седые сланцы.

И круто падают, сходя
Волною черною, в долины —
Забиться в тишине — и ждать
Прихода врубовой машины.

Средь толщ осадочных веков
Узор извилист линий главных —
Известняков, твоих пластов
На съемке стройной Геолкома.

И угленосной свиты ряд
На карты синие нанесен —
Так антрацитовых углей
Рождаться начинает песня.

2. ГОРИЗОНТ 640

Тут день, как ночь по сводам штреков,
Уклонов, бремсбергов и лав,
Здесь пыл у молодого века
Вступает медленно в права.

Тут пахнет пафосом работы
И тленьем тишины тугой —
Упорно в линию прослоек
Вгрызается стальной зубок.

Качнется лампочка — и снова
Все чернота и глухота.
И грохот тихий коногонов,
Свисток. И снова тишина...

Пыхтит отбойный молоток —
И пылью бурю покроет,
Дружней врубаемся в „куток“,
В пещеры теплые забоев.

Кривая добычи напряжена
И черным проступает потом.
Вот отстук жесткий обушка
По давящим и низким сводам.

В гезенк вбегает ветерок.
И по раскоске влазят люди —
И уголь темной чередой
Скользит обрушенный с уступов.

А там к откаточному ходу,
Трясаясь в железных желобах,
Сползает вниз к своим вагонам —
Пройти квершлагами к стволам.

Горловка, Шахта № 1,
1932.

3. Г ОРЛОВКА—ЗАВОД

Он вырос бурою громадой
По балкам дымного Донбасса,
Средь доми и черных терриконов,
Курящих сизоватым газом.

В степях — донецкая весна,
И солнце прорывает в саже,
Долины не узнать — она
Вся сталинским выросла пейзажем.

Среди лачужек прежних там
Повыросли и поокрепли
Уверенные корпуса,
Дворцы труда по дикой степи.

По цеху — выплавка весны:
Не талый снег, не дождь, а стали
Индиго-синие струи
Идут, в изложницы впадая.

Температура тут ее
Скорей напоминает тропик —
Вплывает желтое литье
В свои спокойные опоки.

Цветенья шкала здесь такая —
Сначала: рыжевато-красный,
Затем, сияя, переходит в сизый,
Вишнево-красный, и, стекает,
Оранжевый и желтый в тигли.

Так делают ее в литейном,
Формуя новые ряды,
Деталей врубовых виденья
По плану горловской зари.

СОДЕРЖАНИЕ

● ●
● ● ● ●
● ●

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Он знает, бурно гонимый,
Из жизни жизни Давид,
Свою долю в черной тьме,
Кружится славой таясь.

В страхе — доверие, в страхе,
И страхе прощанье в страхе,
Давид не убого — он
Вся жизнь свою в страхе прожил.

Средь лагуны, в лагуны тень,
Видна в ней в лагуны тень,
Угнетенная лагуна,
Давид в лагунах на лагунах.

На лагунах, на лагунах,
На лагунах, на лагунах,
На лагунах, на лагунах,
На лагунах, на лагунах.

Угнетенная лагуна,
Средь лагуны, в лагуны тень,
Видна в ней в лагуны тень,
Угнетенная лагуна.

Угнетенная лагуна,
Средь лагуны, в лагуны тень,
Видна в ней в лагуны тень,
Угнетенная лагуна.

Угнетенная лагуна,
Средь лагуны, в лагуны тень,
Видна в ней в лагуны тень,
Угнетенная лагуна.

ИЗ РАННИХ ТЕТРАДЕЙ И КНИГ

БЫТ ПОБЕГОВ

1-ая гроза	9
Вот он! одетый солнцем...	10
Где время полегло в овраги...	11
Горнозаводская область	13
Вызов	14
Над солнью августа	15
Северовосток	17
Быт побегов	18
Корабль	19
Черный пар...	21
Круша ожин...	22
Море горело намереньем...	23
Моя чреда...	24
Осенний пламень	25

ПОРОСЬ СОЛНЦА

Порось солнца	29
За март, за омысл смерти...	30
Как медленный полет птицы...	31
Говорит подгромок	32
Я принимаю синеглазых...	33
Письмо (утро)	34
Пятнистою рудой...	35
Теплоросье	36
Травы. Окрая...	37
Перед тем, как ты встаешь...	38
Дикое цветенье	39
Повесть лета	40
И в топи вечереющие уходя...	41
Посмертье	42
Первоосень	43
Заповедное слово	44
Ведущий стих	45
Когда б от веющих окраин...	46

КНИГА МАРИИ ЗАЖИ-СНЕГА

Пролог	49
Учу весны.. . . .	50
Посвящение	52
Лицом к весне	53
Поле песен	54
Виденье	56
Второй круг весны	57
Рада гор	58
Уход грозы	59
Гроза над Петергофом	60
Твоих тишин...	61
Желтое вкраплено племя	62
Осенний офорт	63
Нет, в имени дивуны...	65
Ночь на Донце	66
Русалий лес	67
Еще не порешила ночь...	68
На зеленое лезвие леса...	69
Племя звучаное	70
Ветвь летнего ветра	71
Из летней степи	73
А выйдешь пространствами...	75
Весеннее гремя	76
Из книги стихий	77
Поэзия войны — весны	78
Начало Октября	80

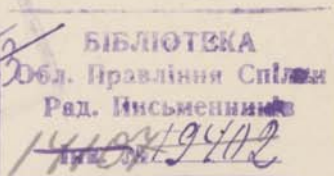
НОЧНЫЕ МОЛНИИ

Революция	85
Встреча с жизнью	86
Рисунок углем. (Город)	87
Пути, которые мы избираем	88
Мы мучимы припоминаем...	89
Голос стиха	92
Червонный запев (походная)	94
Походный ветер	96
Морской разговор	97
Петроград	99
Ленинград	100
Вечера близ Гоголя	101
И, вы, изумитые степи	102
Воробьиная ночь	103
Самая весенняя—пионерская	105
Крымская гроза	107

Как на охоте за солнцем...	109
Ночное небо	111
Март	113
Песня	114
Апрель	115
Лесной развезд	116
Лирический вир	117
Весна, как тленье...	118
Ранний апрель	119
Рисунок утра	120
Из походной тетради	121
История одного вечера	122
Зима	123
Урал на экране	126
Чусовая	128
Уральская запись	129
Романтика детства	131
Крутые годы (поэма)	134
Октябрь на Неве (поэма)	139

МОЛОДОСТЬ МИРА

Ленинград	147
Морская	150
Партизанская - уральская	153
Гудки в Стеклянном городке	155
Черновики стиха	157
Борисовская осень (отрывок из поэмы)	159
Примечания к украинской степи	164
Украинская ярмарка	167
Молдаванская песня	171
Евпаторийские стихи	173
1. Обрывок степи	173
2. Пока ведешь морской дневник	174
3. "То-ре-та"	175
Военная школа пилотов	176
Донбасс:	180
1. Песня антрацита	180
2. Горизонт 640	181
3. Горловка — завод	182

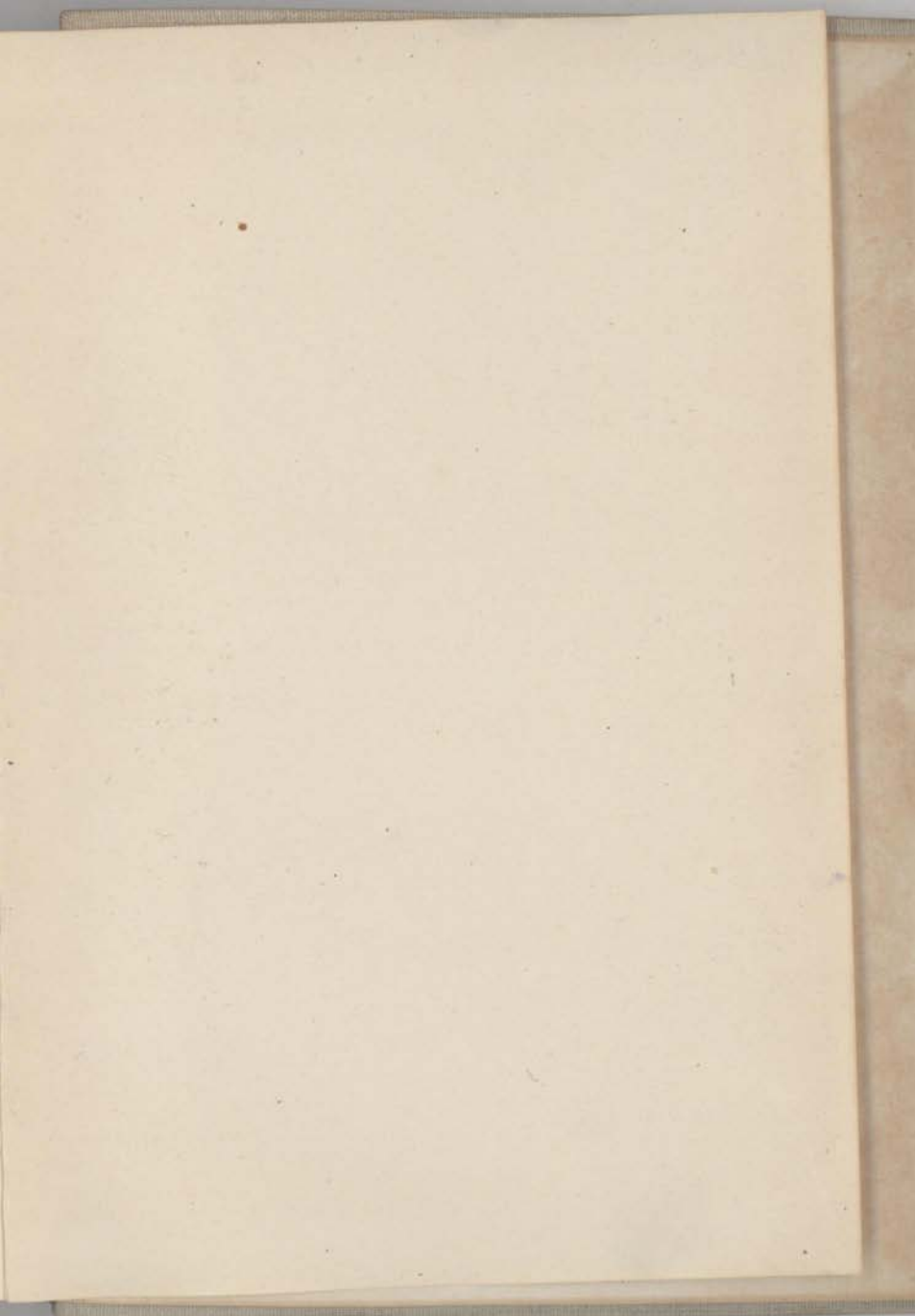

3806

5147

Отдельные вещи из этой книги печатались
в сборниках и журналах:

„Лирень“, „Заумники“, М. 1922. „Булань“ М. 1920, „Гермес“, 1919. „Временник 317-ти“ М. 1917, „Красная Стрела“, Нью-Йорк 1932, „Революционное Искусство“, 1919, „Сборник Нового Искусства“, 1919, „Северный Изборник“, М. 1917. „Поэзия революционной Москвы“, Берлин, 1922, „Октябрьский Сборник“, 1924, „Прожектор“, „Красная Нива“, „Новый Мир“, „Звезда“ (Ленинград), „Красная Панорама“ (Ленинград), „Литературная Газета“, М., „Эпопея“ (Берлин, 1923), „Накануне“ (Берлин), „Zenit“ Internationale Zeitschrift (Београд), „Пути Творчества“, „Пламя“, „Красный Флот“ (Ленинград), „Огонек“, „Литстрой“, „Литературный Донбасс“, „Юный Пролетарий“ (Ленинград) и др.— В переводах на украинский в журналах и альманахах: „Червоний Вінок“, 1919, „Червоний Шлях“, „Гольфштрот“, „Веснянки“, 1919, „Перше Травня“, „Нова Громада“, „Молодняк“ „Вікна“ (Львів), „Травень“, 1933 „Червоний Бовць“, „Радянська Література“, „Комсомольський пісенник“, 1933, в книге „Поезії“ (Щех Каменярів) и друг.; в переводах на немецкий: в „Rote Fahne“ и журнале „Sturm“, Берлин, 25, и друг.

25-00

380

